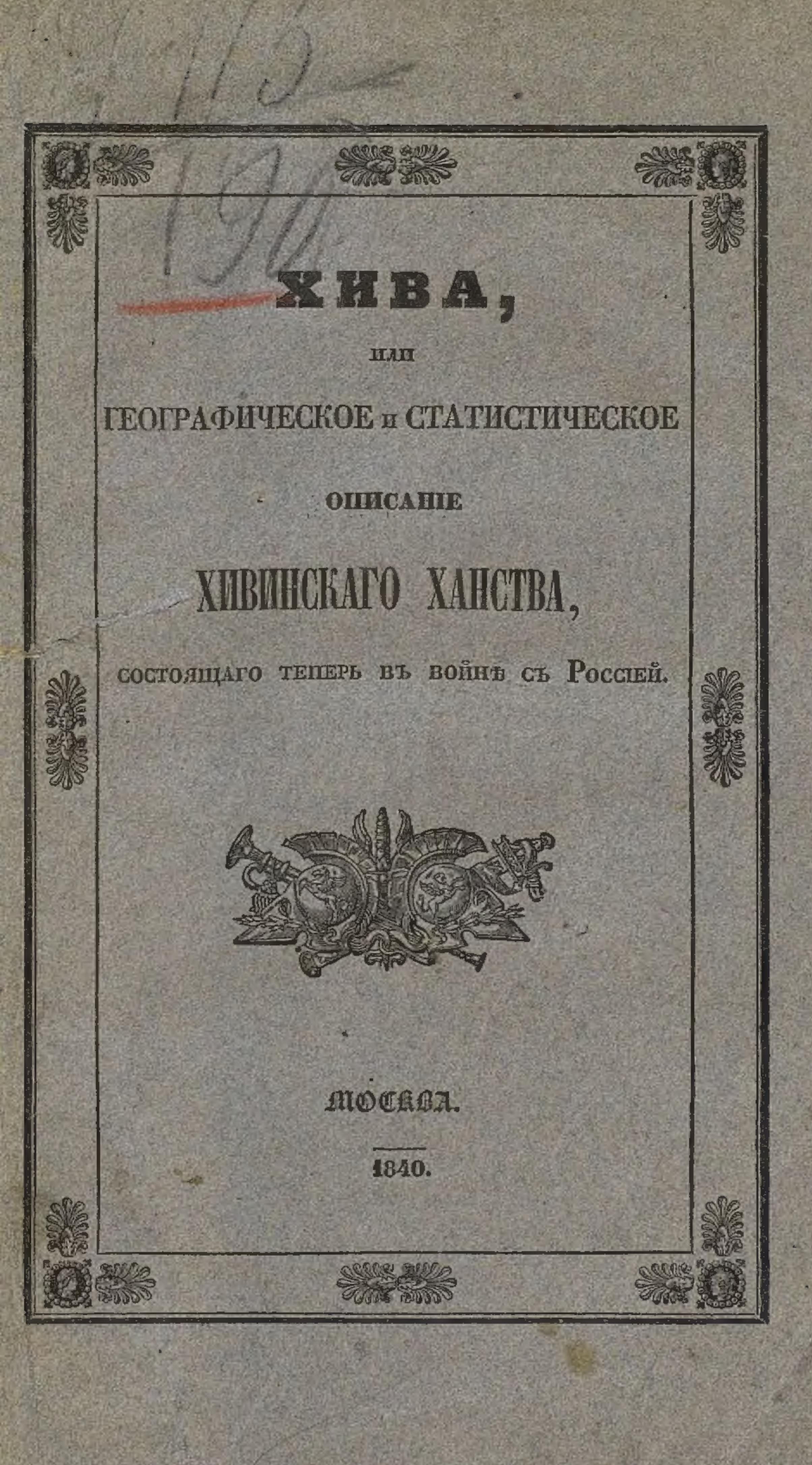

F 115
190

ХИВА,

или

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ и СТАТИСТИЧЕСКОЕ

ОПИСАНІЕ

ХИВИНСКАГО ХАНСТВА,

СОСТОЯЩАГО ТЕПЕРЬ ВЪ ВОЙНѢ СЪ Россіей.

МОСКВА.

1840.

ХИВА,

ИЛИ

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ и СТАТИСТИЧЕСКОЕ

ОПИСАНІЕ

ХИВИНСКАГО ХАНСТВА,

состоящаго теперь въ войнѣ съ Россіей,

заимствованное

изъ разныхъ отечественныхъ и иностранныхъ писателей,
съ изображеніями костюмовъ и вида города Хивы.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи.
1840.

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Февраля 6 го дня 1840 года.

Ценсоръ, Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ И. Снегиревъ.

Общій взглядъ на Историческое значеніе великихъ народовъ, какъ лицъ отдѣльныхъ, изъ которыхъ каждое, по тайной волѣ Промысла, безсознательно содѣйствуетъ совершенствованію человѣчества.

Нѣтъ, можетъ быть, никакой науки, изъ которой человѣкъ мыслящій могъ бы почерпнуть такъ много, какъ изъ Исторіи, убѣдительныхъ, неоспоримыхъ доказательствъ тому, сколько неусыпно и неослабно Провидѣніе печется объ участи рода человѣческаго. На каждой страницѣ Исторіи, въ каждомъ почти событіи увидите вы тайную руку, неисповѣдимыми путями ведущую людей къ одной общей цѣли — *совершенствованію.* Изъ малѣйшихъ, ничтожнѣйшихъ происшествій, на которыя современники и не обращаютъ вниманія, очень часто развиваются изумительныя, колоссальныя слѣдствія. Особенно всего достопримѣчательнѣе, что и обстоятельства, повидимому, рѣшительно неблагопріятныя, вынуждающія просвѣщенное Государство къ мѣрамъ, несогласнымъ съ его миролюбивымъ расположеніемъ, бываютъ большею

частію зародышемъ, источникомъ такого множества благотворныхъ слѣдствій, что изумленный разумъ сознаетъ себя безсильнымъ изчислить ихъ, обнять во всей совокупности. Кто на примѣръ, не считалъ величайшимъ бѣдствіемъ вторженіе Французовъ въ Россію, въ 1812 году? Но теперь, кто изъ Русскихъ не вспомнитъ съ законной гордостью объ этой славной эпохѣ, богатой для отечества нашего величайшими слѣдствіями? И если бы Провидѣніе, не скрывши отъ насъ конца борьбы, предоставило тогда на выборъ Русскихъ отказаться отъ этихъ событій, то рѣшился ли бы кто нибудь лишить отечественную Исторію, нашу жизнь народную, такого торжества безсмертнаго, такого вліянія на судьбу міра, какія мы искупили кровавымъ, но незабвеннымъ двѣнадцатымъ годомъ?

Съ этой достопамятной эпохи мы живемъ такъ спокойно, такъ твердо увѣрены въ несомнѣнномъ торжествѣ надъ каждымъ врагомъ, такъ хорошо знаемъ всегдашнее превосходство мѣръ, принимаемыхъ нашимъ мощнымъ Правительствомъ, что если и случится орлу Русскому куда нибудь пролетѣться, гдѣ нибудь грянуть своимъ громомъ, кого нибудь разразить своими перунами, то мы такъ привыкли къ побѣдамъ, къ торжеству Русскаго оружія, что не удивляемся никакимъ успѣхамъ: такъ должно быть, иначе не можетъ быть! Вотъ что невольно рождается въ умѣ Русскаго человѣка

каждый разъ, когда онъ случайно прочтетъ реляцію о какомъ нибудь военномъ событіи, о какомъ нибудь трудномъ, превосходно выполненномъ, стратегическомъ движеніи, о какомъ нибудь безсмертномъ подвигѣ. Вотъ почему очень много у насъ и теперь найдется людей, даже образованныхъ, читающихъ журналы, которымъ до сихъ поръ еще неизвѣстно, что Россія объявила войну Хивѣ, что туда послана экспедиція, что эта экспедиція уже два мѣсяца въ дорогѣ и теперь, вѣроятно, пришла къ мѣсту назначенія; что въ ту минуту, когда мы пишемъ нашу брошюру, можетъ быть, Хива завоевана, освобождены многія тысячи нашихъ несчастныхъ соотечественниковъ, страдавшихъ долгое время въ тяжкомъ рабствѣ у варваровъ, что нами занята въ Азіи одна изъ важнѣйшихъ для Россіи военныхъ и торговыхъ позицій. Нѣкоторые, по всей вѣроятности, даже удивятся, почему мы приписываемъ такую важность этому событію. „Что такое Хива? Мы почти и не знаемъ объ ней; едва, едва помнимъ изъ читанныхъ нами Географическихъ книгъ, что это маленькое, ничтожное Ханство, населенное небольшимъ числомъ какихъ-то полудикихъ бородачей, которые разбѣгутся при первомъ нашемъ пушечномъ выстрѣлѣ. Трудно развѣ только добраться до нихъ.“ Все это правда, господа, да дѣло въ томъ, что Хива стоитъ на перекресткѣ путей во всю Азію; что прямо изъ ней дорога въ Остъ-Индію, влѣво въ Китай, вправо въ Персію; что караваны, иду-

щіе изъ всей Восточной и Южной Азіи въ Россію, должны проходить чрезъ Хиву или по близости отъ нея, слѣдственно отъ этой мѣстности рѣшительно зависитъ участь всей нашей торговли съ Азіей, а торговлей этой шутить нельзя: она не только можетъ доставить безчисленному множеству Русскихъ хлѣбъ насущный, посредствомъ сбыта нашихъ произведеній, да мало помалу и намъ самимъ дастъ возможность покупать несравненно дешевле всѣ произведенія Азіи, изъ которыхъ мы ко многимъ уже давно очень привыкли, и при теперешнихъ обстоятельствахъ, при вѣчныхъ грабежахъ Хивинцевъ должны платить за нихъ ужасно дорогую цѣну. Но и такое усиленіе торговли нашей составляетъ еще только слѣдствіе второстепенной важности, сравнительно съ тѣмъ благотворнымъ вліяніемъ, какое будетъ имѣть появленіе наше въ тамошнемъ краѣ на жителей Азіатскихъ государствъ и даже на всю будущность человѣчества, особенно, если не окажется никакой возможности вразумить Хивинскаго Хана, сколько несправедливы поступки его, случай, въ которомъ, разумѣется, необходимо нужно будетъ занимать Хиву Русскими войсками въ теченіи довольно долгаго времени.

И именно за тѣмъ, чтобы сдѣлать сколько возможно понятною для читателей нашихъ важность этой экспедиціи, считаемъ необходимымъ войти въ нѣкоторыя подробности о значеніи разныхъ великихъ народовъ въ общей исторической жизни человѣ-

чества. Такое призваніе, такая, можно сказать, миссія была удѣломъ каждаго великаго народа въ прежнія времена, составляетъ удѣлъ и каждаго въ наше время. Такъ, призваніемъ древней Греціи было развитіе изящныхъ искусствъ и литтературы, образованіе вкуса въ древнемъ мірѣ, составленіе, такъ сказать, зародыша всей новѣйшей образованности, передачѣ этого зародыша на сохраненіе міродержавному Риму, наконецъ въ озареніи любезнаго отечества нашего лучами Православной Христіанской вѣры. Призваніемъ Македоніи было пронесть вмѣстѣ съ грозою оружія и просвѣщеніе Греческое въ отдаленнѣйшія страны извѣстнаго тогда міра, основать въ Азіи и Африкѣ новыя государства, въ которыхъ такимъ образомъ водворились Греческіе обычаи, законы, образъ жизни, цивилизація, чѣмъ облегчились и приготовились Риму средства составить изо всѣхъ этихъ, до того времени разнородныхъ, частей одно государство. Наконецъ, значеніе Рима было приготовить новыя, современныя намъ Державы, водворить въ нихъ Христіанство, языкъ, въ ученомъ отношеніи нѣкоторымъ образомъ общій даже до нынѣшнихъ временъ, и прочную законодательную систему. Слѣды, имъ оставленные, такъ глубоки, такъ еще и теперь видны, что разбирая нынѣшнее устройство западныхъ государствъ и слѣдя за ихъ историческимъ развитіемъ, съ невольнымъ изумленіемъ замѣчаемъ вездѣ что нибудь Римское. Каждое государство, образовавшееся изъ

развалинъ Римской Имперіи, также имѣло и имѣетъ свое особое призваніе, которому безсознательно слѣдовало. Такъ, отважные Португальскіе и Испанскіе мореходцы, стремясь только за торговыми выгодами, доставили намъ средства къ полному узнанію всего земнаго шара: одни указали дорогу моремъ въ Остъ-Индію и въ то же время обнаружили предъ нами пространство и предѣлы Африки, объ которой древніе знали очень немного; другіе сорвали завѣсу съ загадки, не разгаданной человѣчествомъ, отъ начала его существованія, подарили Европѣ новый прекрасный міръ, въ который тотчасъ же переселилось Христіанство, міръ, гдѣ въ наше время образовались новыя государства, находящіяся еще въ дѣтствѣ и неустройствѣ, но долженствующія играть нѣкогда блестящую роль въ общемъ дѣлѣ человѣческаго совершенствованія. Вмѣстѣ съ тѣмъ Португальцы и Испанцы заохотили, пріучили Европейцевъ къ дальнимъ морскимъ путешествіямъ, развили обширное новѣйшее мореходство, которое до нихъ ограничивалось только Средиземнымъ моремъ и робкимъ каботажемъ; положили основаніе нынѣшнимъ военнымъ флотамъ; дали поводъ къ усовершенствованію кораблестроенія и науки мореплаванія, которыя возведены теперь на такую высокую степень совершенства, а безъ того, можетъ быть, еще долго бы оставались въ дѣтствѣ. Само собою разумѣется, что движеніе, сообщенное этими народами, ожививъ торговлю, промышленность и вообще дѣятельность Европейскаго народонаселенія, до чрез-

вычайности способствовало успѣхамъ не только матеріальнаго благосостоянія, но и быстрому ходу всѣхъ наукъ, особенно естественныхъ и математическихъ, наиболѣе имѣющихъ вліяніе на непосредственное улучшеніе человѣческаго быта. Каждая страна, куда проникали Европейскіе торговцы и промышленники, представляла вмѣстѣ съ тѣмъ и ученымъ новые предметы для изслѣдованій, новые матеріалы для обогащенія сокровищницы наукъ; сверхъ того въ каждой такой странѣ и туземные жители, сближаясь съ Европейцами, видя ихъ превосходство и собственную выгоду, измѣнялись нѣсколько въ образѣ мыслей, освобождались постепенно отъ своего грубаго невѣжества, пріобрѣтали мало по малу другіе обычаи, наконецъ, часто даже озарялись лучами Божественной Христіанской Религіи, а этимъ для нихъ открывалась новая жизнь, и они вступали на единственный путь, несомнѣнно ведущій человѣка къ совершенствованію.

Испанцы и Португальцы, выполнивъ такимъ образомъ назначеніе свое, сошли съ поприща, открытаго ими при такихъ великихъ послѣдствіяхъ, и уступили первенство Англичанамъ. Въ то время, когда у Испаніи и Португаліи торговля и мореплаваніе процвѣтали, Англія еще не имѣла не только морскихъ силъ, такихъ, какъ въ настоящее время, но не вела и торговли почти никакой. Начало перевѣса, взятаго ею на морѣ, относится ко второй половинѣ семнадцатаго вѣка, и обязана

имъ она необыкновенному, хотя преступному человѣку — Кромвелю. Но въ теченіи времени она опередила на этомъ поприщѣ всѣ другія государства; морское могущество ея быстро возрасло, особенно въ послѣднюю половину XVIII вѣка; въ концѣ же этого вѣка и въ началѣ текущаго, при повсемѣстномъ въ цѣлой Европѣ (кромѣ Россіи) преобладаніи Наполеона, они едва не успѣли достигнуть своей главной политической цѣли — остаться единственною морскою державою въ Европѣ. И надобно отдать справедливость, Наполеонъ много имъ помогъ въ этомъ. Поцарствуй онъ еще нѣсколько лѣтъ, то Англія нашла бы въ то время много благопріятныхъ случаевъ своими превосходными морскими силами подавить и всѣ Европейскіе флоты, какъ истребила или забрала флоты Франціи и ея союзниковъ, начиная отъ Испаніи до Даніи. Тогда Европа осталась бы вовсе безъ флотовъ и очень не мудрено, что Англійскій Кабинетъ употребилъ бы всѣ свои усилія воспрепятствовать другимъ Державамъ вновь заводить и содержать военныя суда, тѣмъ болѣе, что существенно къ Европейской системѣ Англія принадлежитъ только по Географическому положенію, а въ отношеніи политическомъ составляетъ совершенно особую часть свѣта. Въ Европѣ только главная квартира ея, палатка, въ которой держитъ свои засѣданія главный штабъ большаго цивилизаціоннаго ополченія, называемаго Англійскимъ народомъ; но жизнь его, источники силъ,

поприще дѣятельности — все въ колоніяхъ, все разбросано по пространству цѣлаго міра. И въ этомъ именно заключается назначеніе Англіи; она предопредѣлена своимъ торговымъ и морскимъ преобладаніемъ посѣять во всѣхъ необразованныхъ и полуобразованныхъ странахъ свѣта сѣмена Европейской цивилизаціи, пріучить ихъ къ новому порядку вещей, къ новымъ идеямъ, понятіямъ и потребностямъ, разрушить вѣковые предразсудки, искоренить звѣрскіе обычаи, наконецъ, приготовить народы тамошніе для другой лучшей жизни; выполнивъ все это, она неминуемо утратитъ свое первенство.

Совсѣмъ не такое было назначеніе Франціи; это Держава вполнѣ Европейская; до сихъ поръ ея предопредѣленіемъ было не столько дѣйствовать на человѣчество въ другихъ частяхъ свѣта, какъ въ самой Европѣ. И она выполнила свое призваніе съ изумительнымъ успѣхомъ; она вліяніемъ своей свѣтской жизни, своими вальсами и кадрилями, развитіемъ въ Европѣ изящнаго вкуса, своими модами и замысловатыми изобрѣтеніями по всѣмъ отраслямъ житейскихъ удобствъ, своей литтературой, своимъ чистымъ, опредѣленнымъ, совершенно логичнымъ, прекрасно выработаннымъ языкомъ, который сдѣлался и остается всеобщимъ, сблизила образованные классы всѣхъ Европейскихъ народовъ, сокрушила множество грубыхъ обычаевъ и предразсудковъ, совершенно измѣнила образъ

жизни нашей, сорвала съ Европейскихъ жителей вѣчно-однообразные, часто безобразные, неуклюжіе, нелѣпые, такъ называемые національные костюмы, которые въ наше время остались въ Европѣ только на неопрятной черни. Въ образованныхъ же классахъ, благодаря такому вліянію Франціи, по образу жизни, обращенію, костюму всѣ теперь составляютъ одинъ народъ; въ обыкновенномъ ходѣ жизни, гдѣ дѣло нейдетъ о высшихъ интересахъ всего государства, теперь, между просвѣщенными людьми, нѣтъ ни Нѣмцевъ, ни Французовъ, ни Англичанъ: есть одни Европейцы; и всѣ такіе люди знаютъ, что истинный патріотизмъ состоитъ единственно въ безпредѣльной преданности къ престолу, благоговѣйномъ, безусловномъ стремленіи выполнять долгъ и обязанности, налагаемыя на насъ волей Монарха, а не въ томъ, чтобы ненавидѣть каждаго иностранца, ругать его, обижать, даже если можно убить, и все потому только, что онъ иностранецъ. Такой образъ мыслей свойственъ большой части дикарей, имъ отличались многіе древніе народы, и безъ вліянія Франціи, можетъ быть, его сохранили бы и новѣйшіе народы. Теперь Франція уже выполнила такое призваніе свое, теперь въ Европѣ ей уже нечего болѣе дѣлать, и потому Провидѣніе даетъ ей направленіе совсѣмъ въ другую сторону; теперь она должна дѣйствовать въ Африкѣ на человѣчество, еще почти совершенно погрязшее въ невѣжествѣ, она должна, такъ сказать, открыть

для насъ, подобно Испанцамъ, новый свѣтъ, разоблачить предъ нами Африку, которой вся внутренность рѣшительно неизвѣстна, образовать, просвѣтить ея жалкихъ жителей, озарить ихъ свѣтомъ Христіанства, наконецъ рѣшить окончательно дѣло, объ которомъ до сихъ поръ такъ безуспѣшно, хотя такъ много хлопочутъ, — уничтожить торгъ невольниками, постыдный торгъ, который тогда только прекратится, когда какая-нибудь Европейская Держава воспрепятствуетъ мелочнымъ Африканскимъ народишкамъ воевать между собою; ибо торговля Неграми поддерживается именно посредствомъ такихъ войнъ, продажею почти всѣхъ плѣнныхъ; но пока не будетъ внутренняго надзора надъ такими дикими народишками, то хотя извнѣ торгъ Неграми и прекратится, участь бѣдныхъ плѣнныхъ не улучшится: не имѣя средства извлечь изъ нихъ выгоды, ихъ станутъ тиранскимъ образомъ убивать.

Назначеніе Россіи гораздо обширнѣе и многосложнѣе, нежели всѣхъ изчисленныхъ государствъ, какъ многосложнѣе и обширнѣе составъ ея. Она лежитъ частію въ Европѣ, частію въ Азіи, прикасаясь ко всѣмъ государствамъ Средней Азіи, достигая крайними предѣлами своими и Америки. Въ Европѣ она уже выполнила предопредѣленное ей дѣло; теперь начинается собственно миссія ея въ Азіи, состоящая въ распространеніи тамъ цивилизаціи, водвореніи Христіанства, передачѣ Азі-

атскимъ народамъ Европейскаго просвѣщенія и обычаевъ, въ устройствѣ хорошихъ путей сообщенія, развитіи торговли и промышленности.

При этомъ надобно замѣтить, что каждый вѣкъ, такъ же какъ и каждый народъ имѣетъ свое опредѣленное стремленіе, которому предается безсознательно. Стремленіе нашего вѣка состоитъ именно въ разлитіи цивилизаціи по всѣмъ странамъ, гдѣ она еще не распространилась. До сихъ поръ народы все еще усиливались распространиться въ Европѣ, но здѣсь раздѣлъ уже вполнѣ конченъ, всѣ условились что считать своимъ, что чужимъ, и каждому пришлось обратить вниманіе на другія земли, лежащія внѣ Европейской системы. Изъ первыхъ безсознательныхъ начинателей въ такомъ дѣлѣ оказались Англичане и Французы: одни, стремясь за торговыми выгодами, наиболѣе усилились въ Индіи въ текущемъ столѣтіи; другіе вынуждены были къ тому же дерзкимъ поступкомъ Алжирскаго Дея съ ихъ Консуломъ.

Россія до настоящаго времени еще и не могла послѣдовать въ этомъ отношеніи своему призванію. До Петра Великаго она только что еще отдохнула отъ борьбы съ Поляками; при Петрѣ и послѣ него ей много было дѣла, чтобы догнать на пути просвѣщенія и Государственнаго благоустройства опередившихъ ее Европейскихъ товарищей; при Екатеринѣ она вынуждена была усмирить враждебныхъ сосѣдей, — Турковъ и Поляковъ,

покорить последнее Татарское гнѣздо — Крымъ, пріобрѣсть вліяніе на Европейскую политику; при Александрѣ Благословенномъ ей приходилось выдерживать тяжкую борьбу съ Наполеономъ; при самомъ возшествіи на престолъ нынѣ царствующаго Государя Императора Николая Павловича она должна была и наказывать Персіянъ, ворвавшихся въ наши предѣлы, и печься объ освобожденіи отъ тяжкаго ига единовѣрной намъ Греціи, и смирять мятежную Польшу. Только теперь, когда уже мы выдержали нашу вторую Пуническую войну, только теперь когда никто извнѣ не дерзнетъ нарушить спокойствіе Россіи, только теперь Провидѣніе начало вызывать отечество наше къ совершенію предназначеннаго ему подвига. И замѣтьте, что хотя путь въ Среднюю Азію намъ затрудненъ обширными степями, но степи эти населены кочующими народами, которые, вспомоществуя намъ, найдутъ для себя много выгодъ, особенно денежныхъ, и слѣдственно всѣ будутъ готовы содѣйствовать намъ доставленіемъ не только бойнаго и вьючнаго скота, для прокормленія арміи и перевозки тяжестей, но и проводниковъ, подробно знающихъ всѣ эти пустыни. Сверхъ того въ тѣхъ же степяхъ, какъ будто для облегченія Русскимъ войскамъ путей, природа поставила два большія озера, которыя вообще называются морями, но которыя правильнѣе должно назвать Русскими прудами; я говорю о такъ называемыхъ моряхъ Каспійскомъ и Аральскомъ. Первое вдается далеко во

внутренность Персіи и доставляетъ въ военномъ отношеніи ту выгоду, что если когда-нибудь Персіяне будутъ вторично столько безразсудны, что осмѣлятся опять нарушить миръ съ Россіей и вторгнуться въ ея предѣлы, то можно послать Каспійскимъ моремъ высадную армію, которая выйдетъ на сѣверный берегъ Персіи, откуда ей не болѣе трехъ переходовъ до Персидской столицы Тегерана, и притомъ она будетъ имѣть возможность дѣйствовать въ тылъ и флангъ тѣхъ войскъ, которыя ворвутся въ Русскія провинціи. Другое (Аральское) имѣетъ воду почти совершенно прѣсную, такъ, что она можетъ быть употребляема въ питье; лежитъ оно середи степи, отдѣляющей Россію отъ Хивы, занимая болѣе четырехъ сотъ верстъ пространства, слѣдственно на столько же сокращаетъ неудобства, представляемыя отдаленіемъ; въ немъ очень много острововъ, которые, будучи укрѣплены, могутъ послужить для устройства запасныхъ магазиновъ и лазаретовъ, совершенно обезпеченныхъ отъ всякаго нападенія со стороны окружныхъ дикарей, потому что послѣдніе не имѣютъ никакихъ судовъ, а если и имѣютъ, то такіе плохіе, которые можно какъ разъ всѣ истребить. Сверхъ того озеро это очень обильно хорошею рыбой, могущей служить отчасти и для продовольствія арміи. Въ озеро впадаетъ большая рѣка Аминь-Дерья, протекающая чрезъ Хиву и по которой изъ магазиновъ, устроенныхъ на островахъ, могутъ быть доставляемы какъ боевые, такъ

и съѣстные припасы. Слѣдственно затрудненій для достиженія Хивинскаго Ханства неодолимыхъ не можетъ предстоять. Теперь, вспомнимъ, что это небольшое Ханство стоитъ на перекресткѣ всѣхъ путей въ Азію; что изъ него открытый ходъ къ Югу въ Остъ-Индію, къ Западу въ Персію, къ Востоку въ Китай; что оно представляетъ превосходный и единственный передовой постъ для наблюденія за всѣми переворотами въ Азіи, за всѣми движеніями тамошнихъ народовъ, наблюденія, особенно важнаго въ настоящее время, когда въ этой части свѣта готовятся величайшія событія; когда Англійская Остъ-Индская Компанія, не довольствуясь статридцатью милліонами людей, покоренныхъ ею въ Индіи, можетъ распространить свое вліяніе и на всю восточную Азію; когда ея несправедливыя притязанія по случаю контрбанднаго торга опіумомъ, могутъ довести Китайскую Имперію до непріязненныхъ дѣйствій съ Англіей, дѣйствій, которыхъ развязку легко заранѣе предугадать; когда въ самомъ Китаѣ народонаселеніе враждебно расположено къ его Татарскому Правительству, обнаружившему уже многіе признаки слабости и близкаго упадка. При этомъ не надобно забывать, что хотя въ настоящее время многочисленное Китайское войско не страшно для хорошо устроенной Европейской арміи, но въ случаѣ переворота, власть верховная обыкновенно наконецъ достается какому-нибудь воинственному человѣку; а въ рукахъ

такого человѣка многочисленное Китайское народонаселеніе легко можетъ также получить охоту къ военному дѣлу и тогда не только Азіатскія государства будутъ находиться въ опасности, но и собственная наша торговля и многія другія выгоды могутъ въ такомъ случаѣ быть стѣснены; а потому намъ необходимо, для вліянія болѣе продолжительнаго на Хиву, упрочить себѣ и на будущее время свободный ходъ въ это Ханство, сколько для отвращенія грабежей тамошнихъ жителей, столько и для того, чтобы имѣть возможность наблюдать за происшествіями въ Азіи.

Развивъ такимъ образомъ слегка наши мысли объ важности экспедиціи въ Хиву, приступимъ къ подробному описанію какъ самаго Ханства, такъ и сопредѣльныхъ къ нему странъ.

Общее Географическое положение Хивы и прилегающихъ къ ней странъ.

Хивинское Ханство принадлежитъ къ числу областей, составляющихъ такъ называемую Независимую Татарію. Оно лежитъ къ Югу отъ большаго озера, называемаго Аральскимъ моремъ, которое и составляетъ съ этой стороны его границу; къ Востоку оно граничитъ съ Коканомъ и Большой (Независимой) Бухаріей; къ Югу съ Афганистаномъ и частью Персіи (Хорасаномъ), къ Западу границы его сливаются съ степью, въ которой обитаютъ кочующіе Туркменцы. Къ Сѣверу, Сѣверо-Востоку и Сѣверо-Западу простираются степи, прилегающія къ Россійской границѣ, и въ которыхъ кочуютъ Киргизъ-Кайсаки.

На пути изъ Россіи въ Хиву первые попадающіеся намъ народы суть именно эти Киргизъ-Кайсаки. Они дѣлятся на три *Орды:* Большую, Среднюю и Малую. *Малая Орда,* кочующая наиболѣе къ Западу, состоитъ изъ 150,000 семей или кибитокъ. Лѣтомъ они кочуютъ больше по рѣкамъ Сундуку, Орѣ, Мурза-Буляку, Илеку и Кобдѣ, падающимъ въ Уралъ, между Кизильскомъ и Илецкимъ городкомъ. Зимою она занимаетъ слѣдующія мѣста: берега рѣкъ Камышный-Иргизъ и Тагиль-Иргизъ, изъ которыхъ образуется Улу-Иргизъ, падающій въ илистое озеро Акъ-Сакалъ; Кара-Кумскую степь, округъ Турегакъ на берегахъ Сыръ-Дерьи, берега Эмбы, мѣста прилегающія къ озе-

рамъ Тайсуганъ и Каракулъ, наконецъ берега рѣкъ Калдагайта и Будурта.

Средняя Орда часто кочуетъ за горами Алтанъ-Тубе въ Ишимской степи, входящей уже въ Россійскіе предѣлы. Орда эта самая сильная и богатая; въ ней считается около 160,000 кибитокъ или семействъ; лѣтомъ кочевья ея простираются къ Востоку до Иртыша и озера Дзайсанга; къ Западу до источниковъ рѣки Тоболи и до озера Аксакала. Зимою они живутъ въ странахъ, прилегающихъ къ озеру Балкашскому.

Большая Орда кочуетъ къ Юго-Востоку отъ Аральскаго моря по берегамъ рѣкъ Сара-Су и Сиръ-Дерьи до города Ташкенда, иногда до самой Ферганы. Не смотря на названіе свое, Большая Орда слабѣе всѣхъ другихъ и можетъ выставить не болѣе 10,000 воиновъ.

Зима въ этихъ степяхъ продолжается не долго, хотя бываетъ очень холодна; лѣто чрезвычайно жаркое, но жаръ умѣряется прохладными вѣтрами и частыми обильными дождями; осень прекрасная и продолжается до конца Ноября.

По берегамъ рѣкъ въ этой странѣ вездѣ ростутъ въ большомъ количествѣ разнаго рода деревья, есть и долины, очень богатыя растительностію. Киргизы эти имѣютъ чрезвычайно много скота; особенно многіе богатые Киргизы Средней Орды имѣютъ до десяти тысячь лошадей, трехъ сотъ и болѣе верблюдовъ, до двадцати тысячь овецъ и еще гораздо болѣе козъ. Бараны ихъ

имѣютъ чрезвычайно вкусное мясо. Вообще въ степяхъ ихъ чрезвычайно много всякой дичи; изъ звѣрей есть волки, лисицы, барсуки, ласки, горностаи, байбаки. Въ южныхъ и восточныхъ горахъ много находится дикихъ овецъ, яковъ или Тибетскихъ быковъ, сернъ, шакаловъ, такъ называемыхъ *куланов̌ъ* или дикихъословъ, сайгъ, *такіевъ* или дикихъ лошадей. Иногда, изъ внутренней Азіи, забѣгаютъ сюда и тигры, чему недавно еще былъ примѣръ (*). Лѣтомъ обширныя здѣшнія болота наполнены безчисленнымъ множествомъ дикихъ гусей, утокъ и другихъ водяныхъ птицъ. Есть бѣлыя змѣи, длиною аршина три, но онѣ безвредны.

Киргизы торгуютъ съ Россіей, Хивой и Бухарой. Они ежегодно продаютъ въ Россію до 150,000 головъ овецъ, множество лошадей, рогатаго скота, ягнячьихъ шкурокъ, верблюжьей шерсти. Въ замѣнъ своихъ произведеній они получаютъ отъ Русскихъ разныя мануфактурныя изделія, особенно сукна, и множество мелочныхъ желѣзныхъ издѣлій.

Къ Юго-Востоку отъ Киргизскихъ кочевьевъ лежитъ *Коканское Ханство*, орошаемое во всю его длину рѣкою Кара-Су, которая падаетъ въ Сиръ-Дерью. Хотя почва въ этомъ Ханствѣ почти не воздѣлана, но вообще очень плодоносна, про-

---

(*) Смотри Сѣв. Пчелу и Московскія Вѣдомости №.

изводитъ много хлопчатой бумаги, проса, ржи, пшеницы, рису и каштановъ.

Столица этого государства называется *Коканомъ* или *Кокандомъ*; она лежитъ въ прекрасной равнинѣ, при маленькой рѣчкѣ, впадающей не далеко оттуда въ Сыръ-Дерью. Городъ этотъ довольно великъ, улицы въ немъ узкія, не вымощенныя, но орошаются ручьями; домы не иное что, какъ простыя глиняныя мазанки. Вся защита состоитъ изъ небольшаго зáмка, въ которомъ живетъ самъ Ханъ. Въ столицѣ Коканѣ считаютъ около четырехъ сотъ мечетей; народонаселеніе простирается до шестидесяти тысячь человѣкъ, но нѣкоторые новѣйшіе путешественники полагаютъ его не болѣе какъ въ тридцать тысячь человѣкъ. Къ главнѣйшимъ зданіямъ, кромѣ многихъ, очень хорошо выстроенныхъ и богатыхъ мечетей, принадлежатъ обширныя, выстроенныя изъ кирпича, Ханскія конюшни. Здѣсь есть два большіе базара, на которыхъ ежедневно производится довольно дѣятельный торгъ. Здѣшніе жители выработываютъ очень много хлопчато-бумажныхъ матерій и также шелковыхъ, вышитыхъ золотою и серебряною битью; они выдѣлываютъ также шерстяныя матеріи, сукна и другія ткани. Въ равнинахъ, окружающихъ этотъ городъ, Чингизъ-Ханъ имѣлъ обыкновеніе собирать на общія совѣщанія всѣхъ Хановъ и военачальниковъ своего обширнаго государства; часто случалось, что при этихъ

совѣщаніяхъ присутствовало до *пяти сотъ* посланниковъ изъ разныхъ завоеванныхъ странъ.

Къ Востоку отъ Кокана находится городъ *Андеканъ* или *Андяканъ*, иначе *Андиджанъ*, лежащій на прекрасномъ мѣстоположеніи и окруженный множествомъ садовъ, очень красиво разбитыхъ.

Еще нѣсколько далѣе къ Востоку лежитъ городъ *Охъ* или *Тахтъ-Сулейманъ*, знаменитый въ Ханствѣ по гробницѣ Азефа-Баркія, который, по мнѣнію тамошнихъ жителей, служилъ Визиремъ у Царя Соломона; весною на поклоненіе къ его гробу стекается очень много набожныхъ Мусульманъ. Памятникъ, воздвигнутый надъ могилой этого мнимаго Визиря, состоитъ въ небольшомъ четырехъугольномъ кирпичномъ зданіи, устроенномъ на горѣ Тяхтъ-Сулейманъ, что значитъ *Соломоновъ тронъ*. Преданіе утверждаетъ, что будто бы на этомъ мѣстѣ Соломонъ принесъ въ жертву верблюда, котораго кровь, по словамъ суевѣрныхъ жителей, еще и теперь видна на одной изъ скалъ этой горы. „Поверхность скалы этой," говоритъ Г. Мейендорфъ: „совершенно плоская, и суевѣрные туземцы увѣряютъ, что чѣмъ бы ни былъ человѣкъ болѣнъ, ему стóитъ только полежать нѣсколько минутъ на вершинѣ скалы и онъ непремѣнно выздоровѣетъ. Всѣ бывавшіе въ тамошнемъ краѣ, разсказываютъ о многочисленныхъ больныхъ, приходящихъ сюда лечиться такимъ образомъ (*)."

(*) Мейендорфъ: Путешествіе изъ Оренбурга въ Бухару.
Malte-Brun.

Городъ *Туркестанъ* называется еще *Тарасомъ* или *Торосомъ*; заключаетъ тысячу домовъ, выстроенныхъ изъ глины; въ старину онъ былъ очень великъ, цвѣтущъ и составлялъ столицу особаго Ханства; въ немъ жилъ одинъ изъ Киргизскихъ Князьковъ (*). Вокругъ онъ обведенъ рвомъ, который имѣетъ до пятнадцати футовъ въ ширину и въ случаѣ приближенія непріятеля тотчасъ можетъ быть наполненъ водою. Въ этомъ городѣ находятся гробницы многихъ чтимыхъ Магометанами лицъ, изъ которыхъ они наиболѣе уважаютъ гробницу какого-то *Кора-Ахмеда-Ходжи*. Возлѣ памятника его находится достойная вниманія огромная кострюля, которая имѣетъ болѣе двѣнадцати футовъ въ поперечникѣ; въ ней варятъ, по приказанію богатыхъ и благочестивыхъ людей, кушанье, раздаваемое въ извѣстные дни бѣднымъ.

Ташкендъ или *Ташкентъ* лежитъ на берегу рѣки Тчиръ-Чика, впадающей въ рѣку Сиръ-Дерью или Сигунъ; въ немъ, какъ сказываютъ, находится до шести тысячь домовъ; но, по увѣренію Барона Мейендорфа, ихъ не болѣе трехъ тысячь. Городъ этотъ обнесенъ большою и очень высокою каменною стѣной, которая простирается почти на четыре мили съ половиною, выстроена изъ необожженныхъ, но хорошо высушенныхъ кирпичей и имѣетъ двѣнадцать воротъ. Въ Ташкентѣ очень много древнихъ

(*) Рычковъ: топографія Оренбургской губерніи. Бюшингъ: Географическій магазинъ.

Malte-Brun.

мечетей, свидѣтельствующихъ о прежнемъ великолѣпіи, какимъ отличался этотъ городъ, вѣроятно, въ ту эпоху, когда онъ еще носилъ имя *Шаха*. Въ немъ есть также десять медресовъ, или школъ. Почва, на которой онъ выстроенъ, орошается многими каналами и производитъ множество прекрасныхъ, очень вкусныхъ, плодовъ. Климатъ здѣсь вообще довольно пріятный; зима продолжается не болѣе трехъ мѣсяцевъ. Жители производятъ нѣкоторую торговлю; у нихъ ростутъ персиковыя деревья, виноградъ, пшеница, хлопчато-бумажное дерево; они разводятъ также и шелковичныхъ червей. Въ сосѣдственныхъ горахъ заключаются золотые рудники. Въ окрестностяхъ этого города есть довольно обширная крѣпость, могущая содержать до десяти тысячь человѣкъ гарнизона.

При подошвѣ Кашгарскихъ горъ находится городъ *Маргаланъ*, иначе называемый *Маргиланъ* или *Маргинанъ*, который обширностью, какъ сказываютъ, можетъ поравняться съ Коканомъ. Это городъ очень древній, обнесенный весьма плохою глиняною стѣною, наполненный древними памятниками. Въ самой серединѣ его возвышается зданіе, въ которомъ тщательно сохраняютъ красное шелковое знамя; по мнѣнію жителей, знамя это принадлежало Македонскому Царю Александру Великому, который, по ихъ словамъ, умеръ въ ихъ городѣ на возвратномъ пути изъ похода въ Индію. Каждый разъ, когда пріѣзжаетъ новый градоначальникъ, духовенство торжественно носитъ это

знамя по всему городу. Верстахъ въ четырехъ отъ города лежитъ крѣпость *Ярмазаръ*, могущая вмѣстить до двадцати тысячь человѣкъ гарнизона.

Верстахъ въ осмидесяти къ Югу отъ Ташкента, на лѣвомъ берегу рѣки Сигуна, на довольно возвышенномъ мѣстоположеніи, стоитъ большой городъ *Ходжендъ*; домы въ немъ и всѣ зданія выстроены изъ глины; жители выдѣлываютъ большое количество хлопчато-бумажныхъ матерій, которыми производятъ значительный торгъ съ Россіей.

Городъ *Ахзихатъ* или *Ахсіа*, лежащій верстахъ въ осмидесяти къ Сѣверу отъ Ходженда, слыветъ главнымъ городомъ провинціи Ферганы, въ которой есть довольно богатые золотые и серебряные рудники.

Сузакъ небольшая крѣпость, выстроенная въ горахъ.

Уратепегъ, городъ, лежащій въ сорока верстахъ отъ Кокана, выстроенъ въ лощинѣ, между двухъ холмовъ и окруженъ высокою зубчатою стѣною. Не должно этого города смѣшивать съ городомъ *Уратупой*, лежащимъ въ сорока верстахъ къ Сѣверо-Востоку отъ Ходженда, на лѣвомъ берегу рѣки Сиръ-Дерьи.

Съ 1815 года Коканское Ханство очень много увеличилось разными завоеваніями. Теперь оно занимаетъ между Туркестанскими государствами второе мѣсто по народонаселенію и третье по обширности. Жителей полагаютъ въ немъ около миліона двухъ сотъ тысячь; въ длину оно

занимаетъ до ста шестидесяти миль, а въ ширину до семидесяти, слѣдственно оно заключаетъ болѣе десяти тысячь квадратныхъ миль. Почва большею частью чрезвычайно плодоносна; есть много рудниковъ золотыхъ, серебряныхъ, мѣдныхъ, желѣзныхъ, и также содержащихъ каменный уголь. Жители усердно занимаются земледѣліемъ и очень много разводятъ разнаго скота. Шелковыя и хлопчато-бумажныя фабрики находятся у нихъ въ цвѣтущемъ положеніи; съ Хивой, Бухаріей и Китаемъ ведутъ они черезвычайно дѣятельный торгъ. Государство управляется Ханомъ, имѣющимъ неограниченную власть; Ханъ этотъ содержитъ десяти-тысячную армію, состоящую единственно изъ конницы, которая обязана служить въ полѣ только два мѣсяца каждогодно; къ ней присоединяется еще отъ тридцати до сорока тысячь человѣкъ конниковъ, доставляемыхъ сосѣдственными кочевыми племенами, и служащихъ каждогодно одинъ только мѣсяцъ. По этой причинѣ войны не бываютъ здѣсь продолжительны и торговля за ними не стоитъ. Артиллерію Ташкендскаго Бега составляютъ, какъ въ Персіи, небольшія пушки, возимыя на верблюдахъ. Духовенство въ этой Магометанской странѣ исполняетъ должность Судей и засѣдаетъ вмѣстѣ съ Градоначальниками. Письменнаго производства при дѣлахъ нѣтъ никакого; за оскорбленіе Хана, лихоимство и прелюбодѣяніе наказываютъ смертью; за воровство отрубаютъ руку; убійцу отдаютъ въ рабство къ родствен-

никамъ убитаго; но онъ можетъ откупиться, если согласятся родственники.

Далѣе, по берегамъ рѣки Сигуни, обитаютъ Каракалпаки. Сами они называютъ себя *Кара-Кипчаками*, то есть *черными* Кипчаками, или Кипчаками данниками. Это Татарское Кипчакское племя, покоренное Киргизами. Они раздѣляются на Каракалпаковъ нижняго и верхняго *улуса*. Въ 1742 году Каракалпаки нижняго улуса, которыхъ въ то время считалось до пятнадцати тысячь кибитокъ или семей, хотѣли-было просить Россію, чтобы она приняла ихъ подъ свое покровительство, но озлобленные этимъ Киргизы не допустили ихъ до этого и почти всѣхъ истребили. Теперь они могутъ выставить не болѣе двухъ или трехъ тысячь воиновъ.

Туркменцы, или *Туркоманы* обитаютъ большею частію по восточному берегу Каспійскаго моря; страна ихъ песчаная, каменистая и, за исключеніемъ приморскихъ мѣстъ, почти совершенно безводная. Почти во всю ея ширину, на пространствѣ четырехъ сотъ верстъ отъ Востока къ Западу, тянется цѣпь невысокихъ, но очень утесистыхъ, пересѣченныхъ рытвинами, *Мангишлакскихъ* горъ.

Отъ Персіи отдѣляется эта пустыня рѣкою *Гургеномъ*, которая на всемъ теченіи своемъ идетъ по мѣстамъ болотистымъ, въ ширину имѣетъ отъ двадцати до тридцати шести футовъ; берега у ней низменныя, въ руслѣ вездѣ ро-

стетъ камышъ, имѣющій отъ трехъ до пяти футовъ въ вышину. Рѣка эта течетъ очень медленно, лѣниво, лѣтомъ мелѣетъ, но никогда не пересыхаетъ совсѣмъ. Верстахъ въ двухъ отъ устья своего, она имѣетъ не болѣе трехъ футовъ глубины. Въ двухъ миляхъ сѣвернѣе течетъ еще другая рѣка *Атрекъ*, которая гораздо меньше Гургена.

Растительность здѣсь чрезвычайно бѣдная; нѣсколько травъ, растущихъ обыкновенно на всѣхъ солянистыхъ почвахъ, въ большомъ количествѣ полынь и растенія, принадлежащія къ породѣ каперсовыхъ. Есть кустарники, употребляемые на топку. Изъ животныхъ больше водятся лисицы, дикія кошки, бараны и верблюды; иногда забѣгаетъ рысь и тигръ. Насѣкомыхъ очень много, особенно бабочекъ и стрекозъ.

Жители здѣшніе Туркменцы роста вообще высокаго, широкоплечи, бороду имѣютъ короткую, складомъ лица очень похожи на Калмыковъ. Изъ нихъ живущіе наиболѣе къ Югу одѣваются по Персидски, шапку носятъ высокую изъ бараньей шкуры. Женщины ихъ очень тщательно разчесываютъ себѣ волосы и сплетаютъ въ длинную косу, которую украшаютъ серебряными гремушками. Сверхъ того онѣ надѣваютъ высокія шапки, убранныя серебряными или золотыми вещицами. Черты лица у нихъ пріятныя; онѣ не носятъ покрывала, но вдѣваютъ кольца въ ноздри. Одежда ихъ состоитъ изъ широкихъ цвѣтныхъ шараваръ и большой красной рубашки.

Туркменцы, или какъ Русскіе называютъ ихъ, *Трухменцы*, дѣлятся на два народа, Сѣверный и Южный, и каждый состоитъ изъ нѣсколькихъ племенъ. Въ Сѣверномъ народѣ главное племя называется *Абдалъ* или *Абдаллахъ;* въ Южномъ четыре главныя: *Іомудъ*, *Эръ-Саре*, *Теке* и *Кехленъ.* Послѣднее племя наиболѣе предается разбойничеству. Каждое такое племя еще подраздѣляется на нѣсколько другихъ племенъ. Племя Іомудъ можетъ, въ случаѣ нужды, выставить до тридцати тысячь воиновъ; Эръ-Саре — до девяноста тысячь.

Ихъ *аулы* или деревни состоятъ изъ нѣсколькихъ разной величины войлочныхъ *кибитокъ* или палатокъ. У нихъ довольно много верблюдовъ, рогатаго скота, лошадей и барановъ; послѣдніе имѣютъ весьма вкусное мясо. Изъ верблюжьей шерсти дѣлаютъ они довольно грубую, но очень прочную ткань, которую употребляютъ на платье. У нихъ роститъ, хотя не въ большомъ количествѣ, пшеница, но за то много Сарацинскаго пшена, необыкновенно вкусныхъ и большихъ дынь и огурцовъ. Вооружены они луками, изъ которыхъ стрѣляютъ чрезвычайно метко, саблями и нѣкоторые пистолетами. Они дѣлаютъ сами довольно плохой порохъ.

Южные Туркменцы управляются Ханами, которыхъ назначаетъ Персидское Правительство; но народъ повинуется имъ только за ихъ личныя качества. Достоинство Хановъ у нихъ не наслѣдственно. Такъ называемые *Акъ-Сакалы* (бѣлоборо-

дые) или старшины, назначаются по выбору, и народъ уважаетъ ихъ, по видимому, болѣе нежели Хановъ; званіе это, по смерти старшины, можетъ оставаться и въ той же семьѣ, если только родственники его заслужили общее уваженіе. Не смотря на то, что сосѣдственныя къ Персіи племена признаютъ ея владычество, вообще Туркменцы грабятъ Персидскія провинціи и часто ведутъ съ Персіянами войну.

Туркменцы не сохранили той строгости нравовъ и того прямодушія, какими отличаются народы Кавказскіе; они не знаютъ гостепріимства, и такъ жадны къ деньгамъ, что нѣтъ никакой низости, на которую бы они не рѣшились за самую ничтожную плату.

Туркменцы не знаютъ повиновенія по обязанности; кто изъ нихъ окажетъ болѣе другихъ ума и смѣлости, тому они и повинуются, не справляясь о его правахъ на ихъ повиновеніе. А потому каждый Русскій, обращаясь смѣло, легко можетъ взять надъ ними поверхность и находясь между ними одинъ, безоружный, безопасно можетъ сердиться на нихъ, бранить ихъ и даже бить, если только имѣетъ на это основательную причину. О приличіи и общественномъ благѣ не имѣютъ они никакого понятія; каждый изъ нихъ, если думаетъ найти какую-нибудь выгоду, принимаетъ самовольно названіе *старшины*; сосѣдъ, не признающій его въ этомъ качествѣ, принимаетъ въ

свою очередь титулъ *Акъ-Сакала*, который одно-значенателенъ съ титломъ старшины.

Языкъ Туркменскій есть нарѣчіе Турецкаго и очень похожъ на тотъ, которымъ говорятъ Казанскіе Татары. По вѣроисповѣданію своему Туркменцы послѣдователи Омаровой секты, а потому легко понять ненависть ихъ къ Шіитамъ Персіянамъ; но впрочемъ, они вѣрно держатся только внѣшнихъ обрядовъ своего вѣроисповѣданія, и ни мало не заботятся объ его догматахъ.

По физическимъ отличительностямъ Туркменцовъ, такъ же какъ по языку ихъ, ясно, что они принадлежатъ къ Турецкой породѣ; это тотъ самый народъ, который въ XI и XII столѣтіяхъ наводнилъ Бухарію, сѣверную Персію, Арменію, южную Грузію, Ширванъ и Дагестанъ.

Городовъ нѣтъ въ Туркменіи, есть только аулы, или просто лагери, состоящіе единственно изъ войлочныхъ палатокъ, или такъ называемыхъ кибитокъ. Берега рѣкъ Гургена и Атрека усѣяны такими аулами; ихъ много также по берегамъ Каспійскаго моря и во внутренности пустыни. Но что въ этой странѣ были нѣкогда города, свидѣтельствуютъ многія развалины. На правомъ берегу Гургена простираются на большое разстояніе остатки огромной стѣны, построенной неизвѣстно кѣмъ, но которая, кажется, служила нѣкогда межевою гранью между Иранскимъ и Туранскимъ Королевствами. Стѣна эта, въ настоящее время, называется *Кизилъ-Алалъ*; она

выстроена изъ хорошихъ обожженыхъ кирпичей. На крайней западной оконечности этой стѣны, при самомъ морѣ, существуетъ еще внѣшняя стѣна какого-то большаго зданія или крѣпости, при которой въ теченіи времени накопился огромный бугоръ песку, образующій нѣчто похожее на холмъ. Одинъ изъ Русскихъ путешественниковъ нашелъ здѣсь гробницы и въ нихъ человѣческія кости, а подъ стѣною сводъ, въ которомъ валялись куски стекла и угли. Туркменцы часто находятъ здѣсь золотыя и серебряныя монеты. Они увѣряютъ, что развалины эти, называющіяся у нихъ *Серебрянымъ Бугромъ*, устроены на такомъ мѣстѣ, которое образовало нѣкогда островъ, соединившійся въ 1814 году съ твердою землею, по причинѣ убыли въ этомъ мѣстѣ водъ Каспійскаго моря.

Верстахъ во ста отсюда къ Сѣверу лежитъ мысъ, называемый *Зеленымъ Бугромъ*; возлѣ него находится старинная мечеть, которую жители зовутъ *Мама-Кызъ*. Къ Востоку отъ Зеленаго Бугра, во внутренности пустыни, находятся развалины древняго города, называемаго *Метеди Местеріанъ*.

Отъ Балканскихъ горъ, чтобы достигнуть Хивы, направляются къ Востоку, и проѣзжаютъ черезъ горную цѣпь *Саре-Баба*, или *Желтый Дѣдъ*, имѣющую направленіе отъ Сѣвера къ Югу. Дорога лежитъ здѣсь по известковой почвѣ; часто бываютъ песчаные вихри, и уже въ Сентябрѣ мѣсяцѣ холодъ становится весьма ощутителенъ. На высшей

точкѣ хребта *Саре-Баба* возносится холмъ, называемый *Киръ*, на вершинѣ котораго вѣчно царствуетъ жестокій вѣтеръ. На этомъ холмѣ воздвигнутъ памятникъ въ честь основателя племени *Эръ-Саре-Баба*, который долго жилъ въ окрестностяхъ Балканскаго залива, а потомъ поселился въ Бухаріи. Памятникъ состоитъ изъ простаго шеста, на которомъ навѣшаны разноцвѣтныя тряпки, а вокругъ его навалено множество оленьихъ роговъ, камней битой посуды, оставляемыхъ здѣсь въ видѣ приношенія Туркменцами всѣхъ племенъ.

На крайней восточной оконечности Туркменскихъ пустынь находится мѣсто, называемое *Туеръ*, гдѣ есть нѣсколько колодцовъ, вокругъ которыхъ поселилось племя *Ата*, различествующее отъ другихъ одеждою, нравами и чертами лица; оно состоитъ изъ тысячи кибитокъ.

Именно чрезъ степи этихъ Туркменцовъ и лежитъ путь нашей экспедиціи въ Хиву, а потому, описавши прежде всего страны, отдѣляющія Хиву отъ Россіи, и лежащихъ отъ ней къ Сѣверу, Востоку и Западу, мы приступимъ теперь къ описанію собственно Ханства Хивинскаго, а о странахъ, прилегающихъ къ нему съ Юго-Востока, Юга и Юго-Запада, упомянемъ въ заключеніи.

Собственная Хива.

Къ Югу отъ Аральскаго моря, взоры, утомленные однообразіемъ степей, отдыхаютъ наконецъ, останавливаясь на странѣ плодоносной, которую древніе называли *Харазміей*, Арабы *Ховарезмомъ*, а Татары *Харизміей*. Она называется еще *Хивой* или *Хивинскимъ Ханствомъ*, по имени главнаго города своего. Восточные Географы, сравнивая Харизмію съ Персіей, находятъ, что первая несравненно холоднѣе второй; рѣка Аминъ-Дерья замерзаетъ ежегодно.

По новѣйшимъ свѣдѣніямъ, климатъ здѣсь умѣренный; морозы продолжаются только нѣсколько дней, но часто доходятъ до 16 и 18 градусовъ и холодъ въ такомъ случаѣ до чрезвычайности усиливается пронзительными вѣтрами. Снѣгу падаетъ мало, и гололедица часто причиняетъ очень много вреда караванамъ, потому что верблюды портятъ отъ нея ноги и лишаются возможности идти далѣе. Лѣтніе жары были бы нестерпимы, еслибы воздухъ не освѣжался сильными, постоянно дующими Юго-Восточными и Южными вѣтрами. Дожди, даже въ осеннее время, чрезвычайно рѣдки, но какъ осенью, такъ и зимою дуютъ почти безпрерывные вѣтры, которые наносятъ изъ степей цѣлыя тучи песку, такъ что иногда имъ затемняется солнечный свѣтъ. Впрочемъ вообще погода обыкновенно очень ясная (*).

(*) Географическія эфемериды Бертуха. Т. XXV. стр. 108.

Въ горахъ хребта, называемаго *Ших-Джери*, заключаются золотые и серебряные рудники, которые прежде разработывались, но теперь разработывать ихъ запрещено. Хивинцы извлекаютъ изъ нихъ только сѣру и свинецъ. Говорятъ также, что въ этихъ горахъ есть довольно много изумрудовъ, сардониксовъ и другихъ дорогихъ каменьевъ. Большая часть страны представляетъ равнину; почва вообще состоитъ изъ красноватой глины и очень удобна для земледѣлія; но иногда края Ханства, прилегающіе къ степямъ, заносятся переносным пескомъ.

Чрезъ все Ханство протекаетъ большая рѣка *Джигунь* или Аминъ-Дерья, въ древности называвшаяся *Оксомъ*. По словамъ историковъ Александра Великаго, она въ то время имѣла отъ 6 до 7 стадій въ ширину и была такъ глубока, что ее нигдѣ нельзя было перейти вбродъ (*). Арабскіе Географы говорятъ объ ней то же, и очень распространяются о наводненіяхъ, ею причиняемыхъ. Имя свое Аму или Аминь-Дерья она заимствовала отъ города *Аму* или *Амоль*, лежащаго въ Персидской провинціи Хорасанѣ, на лѣвомъ ея берегу. Верхняя часть Джигуна называлась прежде *Хгаратъ* или *Газіатъ*, а нынѣ Персіяне зовутъ ее *Пенджъ*. Источники рѣки Джигуни еще мало извѣстны; кажется, они находятся на высшей вер-

(*) Арріанъ, III, 29. Страб. XI, 509—518; Франц. Альманачное изданіе.

шинѣ горнаго хребта *Белуръ - Тага*, на западномъ скатѣ горы *Пуштигаръ* или *Пуштикаръ*, покрытой вѣчнымъ снѣгомъ (*). Клапротъ увѣряетъ, что источники эти совершенно скрываются подъ огромной массой льда, имѣющей въ толщину слишкомъ пять сотъ футовъ и не представляющей нигдѣ трещинъ. Едва начинается Джигунь, какъ уже почти при самомъ источникѣ имѣетъ въ ширину болѣе пятидесяти футовъ, и вскорѣ принявши въ себя нѣсколько ручьевъ и горныхъ потоковъ, расширяется слишкомъ на сто двадцать пять футовъ. Наконецъ теченіе ея расширяется еще болѣе: слѣва втекаютъ въ нее семь или восемь довольно большихъ рѣкъ, а справа впадаетъ въ нее Чиберъ или Адемь - Кушъ, имѣющій болѣе ста пятидесяти футовъ ширины. Еще далѣе слѣва впадаетъ въ нее Нумань, Фарги или Фаргень, Адинджарагъ, Кехемь, Андерагъ и Аксараі, справа большая рѣка Вакчь или Вакчь-Абъ (что значитъ бѣлая вода), которая выше называется Сурхъ-Абь, то есть красная вода: пески въ этой рѣкѣ заключаютъ золото; у древнихъ она называлась *Баскатисъ*. Уже послѣ соединенія своего со всѣми этими рѣками, Аму перестаетъ называться Пенджомъ и принимаетъ имя Джигуни. Въ десяти миляхъ (верстъ сорокъ) ниже, въ него впадаетъ справа большая рѣка, нѣкогда носившая имя Тчагамана, нынѣ называемая

(*) Эрскинъ и Ваддингтонъ: записки о Баберѣ, стр. 27, 29, 34, 67.

Каферъ-Пиганъ или *Каферъ-Нихань* или *Гисарекъ*. Многія небольшія рѣчки, прежде также впадавшія въ Аминь-Дерью, теряются нынѣ въ пескахъ или болотахъ, или кончаются въ маленькихъ озерахъ, чрезъ которыя въ прежнее время только протекали, или которыхъ до сихъ поръ и не было, а образовались они единственно отъ того, что рѣки эти по разнымъ физическимъ причинамъ не могутъ уже течь далѣе; къ числу такихъ рѣчекъ принадлежатъ *Деруга*, и *Кочекъ* или *Церъ-Афчанъ*. По соединеніи со всѣми изчисленными рѣками, Джигунъ величественно катитъ волны свои, имѣя въ ширину отъ тысячи двухъ сотъ, до тысячи осьми сотъ футовъ, и протекаетъ, считая съ производимыми имъ извилинами, болѣе четырехъ сотъ пятидесяти Французскихъ миль, потомъ раздѣляется на два рукава и наконецъ падаетъ въ южную часть озера, называемаго Аральскимъ моремъ.

На томъ мѣстѣ, гдѣ онъ достигаетъ Вайслукскихъ горъ въ Хивинскомъ Ханствѣ, изъ него проведено множество каналовъ для орошенія прилегающихъ къ нему воздѣланныхъ полей. Джигунъ въ древнія времена носившій имя *Окса*, падалъ прежде въ Каспійское море; русло, по которому онъ текъ, еще и теперь видно. Зимою, говоритъ Г. Клапротъ, рѣка эта покрывается такимъ крѣпкимъ льдомъ, что по ней могутъ безопасно проходить цѣлыя арміи; вотъ почему Узбеки и выбираютъ зимнее время для своихъ военныхъ экспедицій въ Хорасанъ.

Къ числу притоковъ Джигуни принадлежала нѣкогда *Кизиль-Дерья*, или Красная рѣка, о которой и до сихъ поръ еще упоминаютъ въ разныхъ Географіяхъ; но теперь она уже не падаетъ больше въ Джигунь и, кажется, почти совсѣмъ пересохла.

Джигунь, по словамъ Хивинцевъ, чрезвычайно глубокъ и такъ широкъ, что съ одного берега на другой не слыхать человѣческаго крика, и два знакомые человѣка, стоя одинъ на лѣвомъ, другой на правомъ берегу, не могутъ узнать другъ друга. Надо стать по серединѣ рѣки, тогда только можно слышать съ берегу человѣческій голосъ: слѣдственно рѣка эта должна имѣть въ ширину отъ шести сотъ до семи сотъ футовъ. Главные проведенные отъ этой рѣки каналы имѣютъ въ ширину до тридцати двухъ футовъ. Плотины, сдѣланныя по этому случаю, устроены съ большимъ искусствомъ и иногда два встрѣчающіеся канала проведены одинъ надъ другимъ посредствомъ мостовъ. Удачное устройство этихъ каналовъ особенно потому удивительно, что Хивинцы вообще не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о нивелировкѣ. Изъ большихъ каналовъ проведено безчисленное множество другихъ маленькихъ, которыми орошаются и оплодотворяются поля; иногда лишнюю воду скопляютъ въ прудахъ, служащихъ запасными водохранилищами на случай засухи.

Изъ растительныхъ произведеній замѣчательны здѣсь такъ называемый *Джиеари*, родъ пше-

ницы, ячмень, Бухарское просо, *Чегура*, родъ сарацинскаго пшена, горохъ, бобы, чечевица, конопля, табакъ, хлопчатая бумага, Персидскій *кускутъ*, растеніе, изъ котораго добывается масло, всѣхъ родовъ плоды чрезвычайно вкусные, шелковицы и виноградъ въ изобиліи. Виноградъ совершенно созрѣваетъ, но вина изъ него не дѣлаютъ, по причинѣ запрещенія, налагаемаго Магометанскою вѣрою. Есть превосходные луга, на которыхъ пасется множество крупнаго рогатаго скота; но мало находится пастбищь, удобныхъ для лошадей (*). Много домашней птицы, и особенно чрезвычайное изобиліе разнообразной дичи, въ томъ числѣ красныхъ куропатокъ, турухтановъ, перепеловъ, жаворонковъ, фазановъ, утокъ.

Жители почти всѣ Турецкаго происхожденія. Главные между ними Узбеки, Туркменцы и Сарты. Татары называютъ Хивинскихъ жителей Ургянцами, по имени древней ихъ столицы, города *Ургянча*. Узбеки, тотъ же самый народъ, который назывался прежде *Уйгуры* и жилъ къ Югу отъ Небесныхъ горъ въ Китайскомъ Туркестанѣ. Они раздѣляются на *Уйгуръ-Найманъ*, *Кангли-Кипчакъ*, *Кіятъ-Конратъ* или *Кіятъ-Конкратъ* и *Некіусъ-Мангудъ*. Кіятъ-Конратъ раздѣляется на *Имбеи*, *Болгали*, *Атчатаили*, *Канджиргали*, *Кохтамгали*, *Кегесегли* и *Бегеджели*. Всѣ эти Узбеки происходятъ

(*) Рышковъ: Топографія Оренб. Губерніи. Историческій и Географич. магазинъ Бюшинга. Мальтъ-Брюнъ.

отъ тѣхъ, которые нѣкогда завоевали страну Хивинскую; они гордятся въ качествѣ завоевателей и презираютъ Сартовъ, которые не любятъ военнаго дѣла. *Кара-Калпаки* состоятъ изъ семей, кочующихъ по ту сторону Аминь-Дерьи и нѣсколькихъ осѣдлыхъ, занимающихся земледѣліемъ и поселившихся къ Югу отъ Аральскаго моря. Послѣдніе по этому прозваны Аральцами.

Ханство Хивинское содержитъ до девятнадцати тысячъ квадратныхъ миль пространства и около девяти сотъ тысячъ жителей. Въ прежнія времена каждое изъ четырехъ главныхъ Узбекскихъ племенъ управлялось своимъ особеннымъ старшиной, который назывался *Инахомъ*. Но старшина племени Кіятъ-Конратъ имѣлъ нѣкоторыя особенныя преимущества, которыми обязанъ древности своего племени и общему къ нему уваженію. Бухарскій Ханъ имѣлъ надъ этими воинственными племенами нѣкотораго рода власть; сверхъ того Ханъ сосѣднихъ Киргизъ-Кайсаковъ, пользуясь внутренними раздорами въ Хивѣ, посылалъ иногда туда своего урядника, который часто властвовалъ неограниченно. Такой порядокъ прекратился при честолюбивомъ Эльтезерѣ: Ханъ этотъ, чувствуя необходимость совершенно свергнуть владычество Бухаріи, отправился-было противъ него въ походъ, но утонулъ при переходѣ черезъ Аминъ-Дерью. Онъ царствовалъ только годъ. Братъ его — Кутли-Мурадъ, наслѣдовавшій ему, возстановилъ старинное аристократическое правленіе; но вско-

возстали противъ него двое его родственниковъ, изъ которыхъ самый счастливый, или лучше сказать, самый жестокій и вѣроломный, Алла-Кулъ-Мухаммедъ-Рахимъ, захвативъ, посредствомъ обмана, своего соперника, его главныхъ сообщниковъ, и также ихъ женъ и дѣтей, умертвилъ ихъ всѣхъ и принялъ въ 1802 году титулъ Хана, который сохранилъ и донынѣ. Сдѣлавшись полнымъ властелиномъ Ханства и окончивъ междоусобія, его терзавшія, онъ занялся устройствомъ внутренняго управленія, учредилъ верховный совѣтъ, который въ тоже время есть и высшее присутственное мѣсто, какъ по гражданской, такъ и по уголовной части; завелъ правильные налоги, обуздалъ сосѣднія кочевыя племена и прекратилъ ихъ разбои и набѣги на Хиву, предоставивъ только себѣ одному право высылать своихъ подданныхъ на разбои; припудилъ ближайшихъ Киргизовъ платить дань, учредилъ таможни, первый сталъ бить монету и основалъ многія полезныя заведенія.

Ханъ этотъ можетъ выставить въ поле отъ пятнадцати до двадцати тысячь войска, считая въ томъ числѣ и наемниковъ изъ разныхъ племенъ, кочующихъ въ окрестностяхъ Хивинскаго Ханства. Эта армія состоитъ единственно изъ кавалеріи, вооруженной луками, копьями, саблями, рѣдко плохими ружьями. Есть нѣкоторые всадники, имѣющіе стальныя кирасы и каски.

Хивинцы вообще пообразованнѣе почти всѣхъ сосѣдей своихъ. Аль-Бергенди (*) увѣряетъ, что они отъ природы умнѣе всѣхъ другихъ Туркестанскихъ народовъ и склонны къ музыкѣ. Богатые люди обыкновенно имѣютъ при себѣ нѣкотораго рода трубадуровъ, которые забавляютъ господъ своихъ разными импровизированными пѣснями о древнихъ герояхъ, или какими-нибудь разсказами, сопровождая ихъ звуками плохой двухъ-струнной гитары.

Вообще области Хивинскія одинъ изъ Русскихъ путешественниковъ раздѣляетъ слѣдующимъ образомъ:

„1-е. Собственное ядро Ханства, т. е. край, обитаемый Хивинцами, по которому однакожъ разселены и еще другія подвластныя имъ племена.

2-е. Земли племенъ, состоящихъ временно подъ вліяніемъ Хивинцевъ:

a) Покоренныя силою оружія.

b) По слабости прибѣгнувшія подъ покровительство Хивы.

c) Зависимыя отъ Хивы по торговымъ сношеніямъ.

Ядро Хивинскаго Ханства находится въ колѣнѣ, образуемомъ рѣкою Аминь-Дерьею и по лѣвому берегу этой рѣки простирается внизъ по теченію

(*) Д'Эрбело (D'Herbellot) Восточная Библіотека (Bibliothéque Orientale).

Malte-Brun.

до самаго Аральскаго моря. Слѣдственно границы его съ Сѣвера и Сѣверо-Востока опредѣляются Аральскимъ моремъ и рѣкою.

На Юго-Востокѣ между Хивой и Бухарой степь.

На Юго-Западѣ пески и степи, отдѣляющіе Хиву отъ кочевьевъ Туркменскаго поколѣнія Теке.

На Западѣ отъ самой Хивы до Каспійскаго моря простирается, какъ мы уже сказали, степь Туркменцовъ.

Народонаселеніе Хивы состоитъ изъ пяти разнородныхъ племенъ; настоящіе первобытные жители ея называются Сартами.

Нынѣшніе властелины Узбеки, завоевавшіе эту землю.

Каракалпаки, обитающіе по Южному берегу Аральскаго моря.

Туркмены разныхъ поколѣній.

Изъ четырехъ этихъ народовъ составились четыре сословія.

Сарты предались совершенно торговлѣ и образовали сословіе купцовъ; они разбогатѣли торговлею и живутъ большею частію въ городахъ; любятъ прибѣгать къ обману, хитры, пронырливы, низки въ несчастіи, горды въ щастіи, живутъ богато, не любятъ войны, не умѣютъ дѣйствовать оружіемъ и ѣздить верьхомъ, вѣроломны и равнодушны къ чужому несчастью. Часто бывая въ иностранныхъ государствахъ, многіе изъ нихъ развратились, полюбили карточную игру, пріучились пьянствовать. Бѣдные между ними занима-

ются земледѣліемъ, но не оставляютъ и торговли, если имѣютъ на это возможность. Числомъ этихъ Сартовъ болѣе ста тысячь.

Каракалпаки отчасти кочуютъ за Аминъ-Дерьей, отчасти пашутъ земли на Югѣ отъ Аральскаго моря; они угнѣтены какъ Узбеками, такъ и Сартами, живутъ въ бѣдности; промышленности не знаютъ никакой. Надобно думать, что и ихъ числомъ болѣе ста тысячъ.

Узбеки, завоеватели земли Сартовъ, пришли изъ-за Бухаріи, гдѣ еще и теперь существуетъ самая большая часть ихъ племени. *Узъ* значитъ по-Турецки *самъ* и *свой*, *Бекъ* значитъ *господинъ*, а отсюда *Узбекъ*, или *самъ себѣ господинъ*: число ихъ простирается до сорока тысячь.

Они раздѣляются на четыре главныя племени; живутъ большею частію въ городахъ или небольшихъ крѣпостяхъ, разсѣянныхъ по Ханству. Ханъ даетъ имъ разныя должности, а Туркмены и Сарты, не имѣющіе земель, нанимаютъ ее у нихъ и обработываютъ.

„Узбеки гордятся именемъ завоевателей, но уже нѣсколько столѣтій отдыхаютъ отъ своихъ мнимыхъ подвиговъ; — покоривъ Сартовъ, они изнѣжились, и неспособны къ важнымъ и долговременнымъ предпріятіямъ; любятъ бездѣйствіе, и покой первое ихъ благо; но не менѣе того привязаны къ хищничеству и разбоямъ: выѣхавъ разъ на промыслъ, неутомимы; грабежъ не полагаютъ предосудительнымъ, а считаютъ достойнымъ подвигомъ; испре-

бленіе иновѣрцевъ — долгомъ вѣры и обязанностію; на дорогахъ грабятъ караваны; въ дѣлежѣ добычи не ссорятся; на ночлегахъ не платятъ, а берутъ все насильно (ежели хозяинъ не догадается быть гостепріимнымъ, предупредивъ ихъ въ желаніяхъ); чувство мести между ними сильно и наслѣдственно, и обыкновенно обида кончается истребленіемъ рода слабѣйшаго (ежели онъ не приступитъ къ примиренію); въ мести не разбираютъ средствъ, и позволяютъ себѣ явныя и тайныя убійства.

Вообще духъ ихъ воинственный, но способны они только къ кратковременнымъ предпріятіямъ; любятъ разсказы о подвигахъ военныхъ; уважаютъ твердость и часто милуютъ даже мучимаго невольника, который мужественно переноситъ страданія. Они благороднѣе и честнѣе прочихъ народовъ, населяющихъ Ханство: правота есть отличительная черта ихъ. Они не терпятъ лжи, подлости, и вообще домогательства къ полученію богатствъ и почестей. Мы люди, простые говорятъ они: наше дѣло кривая сабля; съ нами ужиться можно: мы уважаемъ людей одного съ нами ремесла и честныхъ. — Вообще они презираютъ всѣ промыслы и занятія, кромѣ военнаго, — и потому не терпятъ Сартовъ и Каракалпаковъ.

„Народъ Туркменскій, подъ различными наименованіями, занимаетъ многія и обширныя мѣста Средней Азіи; поколѣнія его обитаютъ близъ Сѣверныхъ границъ Индіи и Тибета, около Западныхъ предѣловъ Китайской Имперіи, въ сосѣдствѣ

Бухаріи и близъ Каспійскаго моря.—Племена эти, разсѣянныя по огромному пространству Средней Азіи, чрезвычайно многочисленны и всѣ одного происхожденія; но песчаныя степи, отдѣляющія острова, состоящія изъ обработанныхъ и плодоносныхъ участковъ земель, ими населенныхъ, патріархальное управленіе каждаго племени своимъ особымъ старшиной, и огромность разстояній, разрушили связь этого многочисленнаго народа, называемаго западными писателями неправильно Татарами. Вѣроятно, такое названіе дано имъ по имени родоначальника одного племени, которое и понынѣ кочуетъ въ отдаленныхъ степяхъ, и называется этимъ именемъ. Вообще Европейцы составляютъ себѣ очень ошибочныя мнѣнія о Средней Азіи.

„Надобно замѣтить, что этотъ многочисленный, разбросанный на огромномъ пространствѣ народъ, принялъ разные нравы и обычаи сосѣдственныхъ и могущественныхъ державъ, у которыхъ многія изъ этихъ племенъ въ зависимости, и только отдаленныя племена, живущія во внутренней глубинѣ степей, пользуются совершенною свободой, а потому, какъ здѣсь рѣчь идетъ единственно о Хивѣ, то мы, подобно Русскому путешественнику, изъ котораго заимствуемъ большую часть предлагаемыхъ свѣдѣній, будемъ говорить только о Туркменахъ, живущихъ въ Хивѣ и зависящихъ отъ ея Хана.

„Туркмены разныхъ поколѣній, привлеченные плодородіемъ края, торговлею и продажею не-

вольниковъ, которыхъ, отвсюду захватывая, доставляютъ въ Хиву, поселились въ здѣшнемъ краю.— Они составляютъ особенное сословіе; сначала почитались гостями, но современемъ сдѣлавшись постоянными обитателями по природной склонности къ хищничеству, годились образовать ополченіе или войско Хивинцевъ. — Изъ всѣхъ племенъ Туркменскихъ, живущихъ въ Хивѣ, болѣе всего Туркменовъ племени Іомуда, отрасли Байрамша; они поселились близъ Каракалпаковъ, на водопроводѣ Арна, выведеннаго изъ Аму-Дерьи ниже города Хивы.

„Туркмены видомъ болѣе похожи на Узбековъ, чѣмъ на Сартовъ; въ бою, въ искусствѣ ѣздить на конѣ, въ военныхъ хитростяхъ никто не превосходитъ ихъ; они алчны къ деньгамъ и жестоки; промыслъ ихъ — разбой и хищничество; безчестье и обманъ отличительная черта нрава ихъ. Они способнѣе Узбековъ къ военнымъ предпріятіямъ; не имѣя ихъ добродѣтелей, сохранили ихъ пороки и страсти, которые въ нихъ еще сильнѣе.

„Число Туркменовъ, составляющихъ это сословіе воиновъ и хищниковъ, часто измѣняется; они гости и не хотятъ считаться иначе; селятся въ Ханствѣ, и опять уходятъ; многіе изъ нихъ поселились между обработанными полянами на пескахъ, не взирая на неудобство и отдаленность воды, единственно для того, чтобы не пахать; — такихъ поселенныхъ Туркменовъ полагать должно болѣе пятидесяти тысячь. Нынѣ же

большая часть ихъ занимается земледѣліемъ и селится деревнями.

„Кромѣ сказанныхъ четырехъ сословій, разные иноземцы-невольники, которыхъ число весьма значительно, должны быть включены въ пятое сословіе рабовъ; они внѣ всякаго закона, жизнь ихъ зависитъ отъ воли господина и ведутъ самую плачевную участь. Невольники эти бываютъ, по большей части, Русскіе, Персидскіе и Курдинскіе. Русскихъ считается въ Хивѣ до трехъ тысячь, ихъ доставляютъ Киргизы, хватая на Оренбургской линіи; Персидскихъ до тридцати тысячь и Курдинскихъ довольно много; они доставляются Туркменами разныхъ поколѣній. Персидскіе невольники, получившіе свободу, иногда обогащаются и получаютъ хорошія мѣста въ Ханствѣ; тогда они называются Узбеками Кизилъ Джановъ, по переводу *Златоуздѣчниками*.

„Въ Хивѣ есть издревле поселившіеся Жиды, принявшіе Магометанскую вѣру; другихъ же иноземцевъ почти никогда не бываетъ; они не посѣщаютъ Ханства, опасаясь разбоевъ, мятежей и насилій, терзавшихъ всегда это владѣніе.

Со времени царствованія нынѣшняго владѣльца, между сказанными четырьмя народами, исповѣдующими одну Магометанскую вѣру, по образу Суннитовъ, болѣе равенства, и хотя каждый изъ нихъ въ особенности занимается исключительно промысломъ своего сословія, однакожъ не воспрещается

перемѣнить его и заниматься другимъ, а потому увидишь иногда Сарта въ государственной должности, Туркмена хлѣбопашца, Каракалпака занимающагося хищничествомъ и воровствомъ, Узбека торговлею, и такъ взаимно. Магмедъ Рагимъ ввелъ это для того, чтобы уровнять состоянія и достоинства, и тѣмъ истребить распри, происходившія отъ предпочтенія, какимъ нѣкоторые пользовались.

„И такъ, сочтя все народонаселеніе земель, непосредственно подвластныхъ Хивинскому Магмедъ Рагимъ Хану, казалось бы, что оно превосходитъ триста тысячь душъ; однакожь, утвердительно такое счисленіе за достовѣрное принимать не должно, потому что оно основано на распросахъ и предположеніяхъ; даже самъ владѣтель обстоятельно этого не знаетъ; народъ же подозрителенъ, и не охотно о такихъ предметахъ говоритъ съ иностранцемъ, особенно съ Русскимъ: можетъ быть населеніе и гораздо болѣе.—Статью эту лучше предоставить сужденію самихъ читателей, которые сообразятся о народонаселеніи, сличивъ его съ военной силой Ханства.

„Впрочемъ, народонаселеніе Хивы однакожь безпрерывно усиливается новыми завоеваніями Хана и кочевыми Туркменами, приглашаемыми на поселеніе въ Ханство; имъ доставляютъ разныя выгоды, даютъ земли и мѣста на водопроводахъ.

„Въ Хивинскомъ Ханствѣ считается пять главныхъ городовъ, а именно:

„Городъ *Хива*, мѣстопребываніе владѣльца; жители утверждаютъ, что въ древности назывался

онъ Хиванъ и что построенъ былъ на настоящемъ мѣстѣ еще до перемѣны теченія Аминъ-Дерьи. — Онъ довольно обширенъ, окруженъ стѣною и построенъ на небольшомъ водопроводѣ, идущемъ изъ Аминъ-Дерьи. — Главныя зданія въ немъ слѣдующія: большая мечеть, куполъ которой покрытъ гангаромъ бирюзоваго цвѣта (къ ней Мусульмане имѣютъ таинственное уваженіе) и Ханскій домъ, впрочемъ весьма незначительный; есть еще здѣсь нѣсколько мечетей. Строенія вообще земляныя, вымазанныя глиною, улицы тѣсныя; есть также небольшое число лавокъ и бываетъ два раза въ недѣлю торгъ или базаръ. Домовъ считается въ городѣ до трехъ тысячь, жителей до десяти тысячь. Городъ этотъ, такъ же какъ и всѣ города Хивинскаго Ханства, окруженъ садами на большое разстояніе, а въ садахъ множество малыхъ крѣпостей и домовъ.

„*Новый Ургандчъ*, настоящая столица Ханства, есть всегдашнее мѣстопребываніе намѣстника Ханскаго, брата его *Кутли-Мурадъ-Инаха.* Ургянчь гораздо обширнѣе Хивы и служитъ средоточіемъ всей Хивинской торговли; онъ населенъ, по большей части, Сартами. Во множествѣ лавокъ этого обширнаго и многолюднаго города можно видѣть всѣ роскошныя драгоцѣнныя издѣлія Востока; въ немъ бываетъ нѣсколько торговъ въ недѣлю, на которые стекается очень много народа; отсюда отправляютъ товары въ разныя Государства и въ частные базары, учрежденные во многихъ мѣстахъ

Ханства. Мальтъ-Брюнъ полагаетъ въ немъ тысячу пять сотъ домовъ и пять тысячь жителей, но ихъ гораздо больше, потому что городъ этотъ многолюднѣе Хивы; онъ обнесенъ также стѣной.

„Города *Шеватъ* и *Кятъ* довольно незначительны. Въ первомъ полагаютъ до двухъ тысячь жителей, а во второмъ до тысячи пяти сотъ. — Въ нихъ производится торговля съ Киргизами; города эти также обнесены стѣнами.

„Пятый городъ въ Ханствѣ называется *Гюрлянъ*. Въ немъ купечество довольно значительное.

„Строенія во всѣхъ этихъ городахъ весьма дурны: они сложены изъ глины; зданій хорошихъ нѣтъ, кромѣ немногихъ мечетей; стѣны, которыми обнесены города, сдѣланы также изъ глины; но мѣстами въ нихъ вложены каменья. При всей непрочности такаго рода стройки, онѣ долго держатся, потому что въ той странѣ дожди очень рѣдки (*). Города эти не имѣютъ округовъ, а Ханство не раздѣляется на области.

„Кромѣ изчисленныхъ городовъ есть еще нѣкоторыя селенія, важныя по торговлѣ и неуступающія городамъ; какъ-то: *Хизаристъ* по дорогѣ въ Бухарію,

---

(*) Стѣны городскія обыкновенно въ основаніи имѣютъ до трехъ сажень толщины, высоты же до 4хъ сажень: ими соединены между собою разставленныя въ нѣкоторомъ разстояніи башни; стѣны же подкрѣплены мѣстами полукруглыми контр-форсами.

и разные загородные дома, принадлежащіе Хану, около которыхъ построены значительныя селенія и находятся домы любимцевъ его; слободы эти также обнесены стѣнами; главныя изъ нихъ: *Кипчакъ-Конрадъ*, *Ахъ-Сарай*, *Ханъ-Каласи*, *Май-Джейгилъ* и проч. При нѣкоторыхъ изъ нихъ, въ установленные дни, бываютъ торжища, на которыя съѣзжаются купцы изъ настоящихъ пяти городовъ, и такимъ образомъ снабжаютъ товарами всѣ деревни и кочевья.— Кромѣ сказанныхъ постоянныхъ жилыхъ мѣстъ, есть еще довольно много крѣпостей, принадлежащихъ частнымъ людямъ и около нихъ большія селенія.

„Новый *Ургяндчъ*, стоитъ не на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ древній городъ, котораго величественныя развалины, по словамъ жителей, еще и до сихъ поръ видны; вообще вся степь, лежащая на Западъ отъ Хивы, на большомъ пространствѣ покрыта развалинами строеній и обломками жженыхъ кирпичей и каменной посуды. Въ этихъ мѣстахъ часто еще отрываютъ золотыя монеты; всѣ такія развалины ясно доказываютъ существованіе городовъ и жилья по прежнему теченію Аминъ-Дерьи. Въ числѣ такихъ развалинъ понынѣ видны *Дуаданъ-Каласи*, *Кызылъ-Кала*, *Шахъ-Сенемъ*, *Утинъ-Кала* и многія другія.

„Существующія въ западныхъ Хивинскихъ степяхъ развалины, слѣды жилья и водопроводовъ, неоспоримо доказываютъ, что въ древности тутъ существовали Государства, довольно образованныя; по видимому, и также судя по преданіямъ, на этомъ

мѣстѣ процвѣтало нѣкогда древнее Хивинское царство или Хоарезмія.

„Ужь нѣсколько столѣтій смерть поразила здѣшнія мѣста; но онѣ вводятъ въ новую страну, орошенную величественной рѣкою и большими водопроводами, доказывающими промышленность новаго народа. — Земля, между этими водопроводами заключающаяся, даетъ понятіе о трудахъ, понесенныхъ жителями для водворенія плодородія; обработанныя полосы могутъ называться садами, сосредоточенными около городовъ. Жилища и кочевья, разсѣянныя по краямъ водопроводовъ, по мѣрѣ отдаленія отъ городовъ, становятся рѣже и хуже, народъ же, населяющій ихъ, грубѣе и необразованнѣе.“

О военномъ состояніи Хивинскаго Ханства.

Хивинцы не имѣютъ постояннаго войска; но въ случаѣ надобности Узбеки и Туркменцы, составляющіе у нихъ собственно воинственное народонаселеніе, принимаются, по приказанію Хана, за оружіе. Дисциплины въ такомъ сборномъ войскѣ, разумѣется, нѣтъ никакой, а въ слѣдствіе того нѣтъ порядка и подчиненности. Пѣхоты они не имѣютъ и вся ихъ армія состоитъ изъ однихъ конниковъ, весьма плохо вооруженныхъ, которые могутъ сражаться только въ чистомъ полѣ и совершенно неспособны взять какое нибудь, даже самое слабое, укрѣпленіе. Все это войско, за исключеніемъ Туркменцовъ, должно, даже въ военное время, само заботиться о своемъ продовольствіи, и жалованья ему отъ Хана никакого нейдетъ; только Туркменцамъ выдаютъ, предъ началомъ войны, отъ пяти до двадцати *тилловъ*, смотря по званію каждаго; а тиллъ составляетъ на наши деньги шестнадцать рублей ассигнаціями. Списковъ солдатамъ не ведутъ, и потому они могутъ разъѣзжаться всегда какъ только имъ вздумается; а отъ того кампаніи у нихъ никогда не продолжаются долѣе двухъ мѣсяцевъ. Войско въ военномъ отношеніи имѣетъ одно только достоинство, состоящее въ томъ, что всѣ Узбеки и Туркменцы превосходные наѣздники и хотя хорошая строевая кавалерія, особенно при содѣйствіи регулярной Европейской пѣхоты, всегда можетъ разсѣять ихъ,

по поодиначкѣ съ ними не должно связываться. Безполезно также преслѣдовать ихъ, когда они обращены въ бѣгство.

Мы сказали уже, что каждый воинъ обязанъ самъ пещись во время похода о содержаніи своемъ; вотъ почему всѣ, не только богатые, но и бѣдные люди берутъ съ собою на войну верблюдовъ, навьюченныхъ продовольствіемъ; отъ чего обозъ у нихъ всегда чрезвычайно великъ и походъ очень замедляется; сверхъ того, какъ верблюды не могутъ съ одинаковой скоростью слѣдовать за конницей, то въ случаѣ разбитія, весь обозъ неминуемо долженъ достаться побѣдителю, и если сраженіе происходило глубоко во внутренности пустыни, то большая часть Хивинской арміи естественно должна погибнуть отъ недостатка продовольствія. Нѣтъ, кажется, надобности прибавлять, что такая армія необходимо должна на пути своемъ разграблять все, что ей попадется; слѣдственно, даже обыкновенные кочевые жители этихъ пустынь, при первомъ слухѣ о походѣ Хивинцевъ, немедленно удаляются въ другую сторону, увозя съ собою все свое имущество.

Изъ самыхъ храбрыхъ наѣздниковъ, уже прославившихся въ набѣгахъ, Ханъ выбираетъ отличнѣйшихъ для составленія небольшаго отряда тѣлохранителей, которые находятся безотлучно при немъ.

Способъ нападенія ихъ состоитъ въ томъ, что они съ ужаснымъ крикомъ, стремительно бросаются на непріятеля, повторяя такое нападеніе

по нѣскольку разъ сряду; но при первомъ, нѣсколько рѣзкомъ, сопротивленіи обращаются въ бѣгство, разсыпаясь въ разныя стороны. Само собою разумѣется, что они никакъ не устоятъ противъ ружейнаго огня нашей пѣхоты.

Обыкновенно для походовъ своихъ Ханъ можетъ собрать не болѣе пятнадцати или двадцати тысячь человѣкъ всадниковъ; но въ случаѣ большой опасности онъ вынуждаетъ взяться за оружіе и *Сартовъ* и *Каракалпаковъ*, которые въ другое время никогда не сражаются.

Есть у нихъ и артиллерія, состоящая, какъ слышно, изъ тридцати орудій, да они не только дѣйствовать ею, но и держать въ порядкѣ не умѣютъ; лафеты у ихъ пушекъ и колеса поломаны; управляютъ ими Русскіе невольники, которыми пушки большею частію и отлиты. Есть у нихъ также и фальконеты.

Описанные нами Хивинскіе города обнесены стѣнами, составляющими все ихъ укрѣпленіе; стѣны выстроены просто изъ глины, смѣшанной съ обыкновенною землею, вышины имѣютъ до четырехъ сажень, толщины, при основаніи, до трехъ сажень, и мѣстами снабжены башнями. Артиллеріей города никогда не защищаются, также какъ и рвовъ вокругъ нихъ ни сухихъ, ни съ водою не бываетъ. Особаго гарнизона для защиты этихъ крѣпостей не держатъ, а въ случаѣ надобности, всѣ жители, способные носить оружіе, обязаны сражаться.

Сверхъ того, есть множество мелкихъ укрѣпленій или зáмковъ, принадлежащихъ частнымъ людямъ, которые выстроены среди полей и садовъ, сложены въ видѣ четвероугольника, также изъ глины, смѣшанной съ землею, а иногда съ камнемъ. Они первоначально устроивались во время междоусобій, терзавшихъ въ прежнія времена Хиву, а теперь служатъ для предохраненія отъ набѣговъ разныхъ кочевыхъ племенъ. Въ такихъ зáмкахъ обыкновенно подѣланы житницы, водохранилища, жилыя комнаты для хозяевъ, слугъ и невольниковъ, мельницы, бойни, дворы для загона скота, кладовыя, словомъ, все что нужно для содержанія ста или полутораста человѣкъ жителей, и защиты себя въ случаѣ нечаяннаго нападенія. Стѣны этихъ зáмковъ имѣютъ въ вышину до трехъ саженъ, толщиною въ основаніи бываютъ четырехъ аршинъ, при вершинѣ поларшина. По угламъ имѣютъ они также башенки съ верхушками наподобіе куполовъ. Ворота въ нихъ дѣлаются только одни; рвовъ вокругъ стѣнъ не дѣлаютъ.

Такихъ маленькихъ укрѣпленій или зáмковъ въ Хивѣ очень много; самъ Ханъ имѣетъ ихъ нѣсколько.

Вооружены Хивинцы, какъ мы уже сказали выше, саблями, кинжалами, копьями, луками и ружьями. Сабли у нихъ кривыя, часто изъ очень хорошаго Хорасанскаго желѣза. Онѣ составляютъ у нихъ главное оружіе и продаются довольно дорого. Кинжалы употребляютъ они рѣдко, также

какъ и копья, имѣющія въ длину до четырехъ съ половиною аршинъ, и снабженныя наконечникомъ изъ хорошаго желѣза.

Тѣ изъ нихъ, которые не имѣютъ ружей, вооружены лукомъ и стрѣлами; луки бываютъ небольшіе, не очень упругіе и стрѣла рѣдко пролетаетъ далѣе четверти того разстоянія, на какое хватаетъ ружейная пуля. Тетивы у нихъ вообще плохія. Ружей съ замками мало, а большая часть тѣхъ, какія имѣются, стрѣляютъ посредствомъ фитиля, сдѣланы винтовками съ маленькимъ калибромъ, длинны, тяжелы и очень неудобны. Пистолетовъ у нихъ не бываетъ.

Лошади ихъ Туркменской породы, истинно превосходныя, легкія, быстрыя, красивыя, необыкновенно сносныя: могутъ пробыть четверо сутокъ безъ воды, проѣзжаютъ въ восемь сутокъ до тысячи верстъ чрезъ степи, довольствуясь самою ничтожною пищею.

Къ постоянной войнѣ, долговременнымъ походамъ, какъ видно изъ всего сказаннаго, Хивинцы рѣшительно неспособны; а потому всѣ ихъ непріятельскія дѣйствія ограничиваются только кратковременнымъ набѣгомъ, при чемъ они производятъ грабежи и захватываютъ плѣнниковъ. Болѣе всего отъ набѣговъ ихъ страдаетъ Персія. Такого рода набѣги и грабежи сдѣлались для нихъ промысломъ и средствомъ пріобрѣсть общественное уваженіе. Пятую часть добычи отдаютъ они Хану.

Собственно сами Узбеки однакожь рѣдко отправляются въ набѣгъ, а ѣздятъ обыкновенно Туркменцы, поселившіеся въ Ханствѣ. Шайки ихъ, отправляющіяся на грабежъ, простираются отъ пятидесяти до трехъ сотъ человѣкъ. Съ ними всегда бываетъ много верблюдовъ. Пришедши къ Персидской границѣ, они сперва прячутся въ лѣсахъ и вывѣдываютъ что для нихъ нужно, а по собраніи надлежащихъ свѣдѣній, вдругъ бросаются на грабежъ, забираютъ все имѣющее цѣнность, особенно стараются захватить больше плѣнныхъ обоего пола. На обратномъ пути въ Хиву, большая часть плѣнниковъ погибаетъ отъ изнуренія, горести и разныхъ недостатковъ. Примѣчательнѣе всего то, что Туркмены хотя бы и продали плѣнника въ Хиву, но всегда готовы украсть его обратно и возвратить въ Персію, если только узнаютъ, что родственники плѣнника богаты и могутъ дать хорошій выкупъ.

Нравы, обычаи и просвѣщеніе Узбековъ.

Узбеки вообще умны, пріятны и остры въ разговорахъ; въ предпріятіяхъ своихъ тверды и рѣшительны; нраву прямаго и презираютъ искательство, обманъ и ложъ; духъ у нихъ воинственный; буйство предпочитаютъ мирной жизни и вообще занимаются только военными играми и наѣздничествомъ. Они крѣпкаго и виднаго тѣлосложенія, росту большаго и сильны, лице имѣютъ смуглое калмыковатое, но довольно пріятное; глаза небольшіе и взоръ проницательный; волосы на бородѣ черные. Жизнь ведутъ безпечную и лѣнивую; презираютъ всѣ сословія и состоянія, кромѣ военнаго; сами же хотя и хорошіе наѣздники, но больше только разсуждаютъ объ войнѣ и не охотно пускаются въ дальнія военныя предпріятія; но разъ уже въ дѣлѣ они неутомимы, отважны и смѣлы. Вообще они необыкновенно здороваго тѣлосложенія; многіе даже слишкомъ толсты; у нихъ часто бываютъ примѣры, что люди живутъ гораздо болѣе ста лѣтъ.

Одежда ихъ состоитъ изъ трехъ или четырехъ халатовъ на ватѣ, которые надѣваются одинъ сверхъ другаго, даже и въ самые жаркіе дни. Халаты эти сдѣланы изъ шелковой полосатой матеріи и по большой части, лиловаго цвѣту. Рубашки ихъ одного покроя съ крестьянскими Русскими, т. е. съ косыми воротниками; зимой дѣлаются онѣ на ватѣ такъ же какъ и шаравары, сверхъ которыхъ на-

дѣваютъ большіе желтые сапоги, съ острыми носками и высокими каблуками. Голову они брѣютъ и носятъ высокую черную шапку изъ бухарскихъ мерлужекъ, а подъ шапкой надѣваютъ еще ермолку одинакаго цвѣта съ кафтаномъ. Туркмены носятъ бо́льшею частію халаты изъ желтоватой армячины, сдѣланной изъ верблюжьей шерсти. — Богатые люди, — впрочемъ довольно рѣдко, — носятъ и суконные кафтаны. Вообще они любятъ сидѣть съ босыми ногами, и лучшее угощеніе гостю — предложить ему скинуть сапоги. Въ зимніе походы Узбеки надѣваютъ тулупы и сверхъ нихъ вмѣсто бурки укутываются въ войлоки, выкроенные наподобіе бурокъ.

Вооруженіе Хивинцевъ, принадлежащее къ ихъ одеждѣ, состоитъ изъ сабли и ножа, которыхъ они никогда не снимаютъ, кромѣ тѣхъ только случаевъ, когда имѣютъ надобность представиться къ начальникамъ своимъ.

Женщины ихъ очень красивы, хотя и у нихъ лица нѣсколько калмыковаты; взоръ ихъ проницателенъ, лице смуглое, но при всемъ томъ очень пріятное; одежда ихъ странная и вообще онѣ совсѣмъ почти укутываются.

Хивинцы, какъ и всѣ Азіатцы, очень ревнивы: жены ихъ содержатся въ гаремахъ; онѣ составляютъ главное ихъ занятіе и часто бываютъ поводомъ къ различнымъ распрямъ и жестокимъ убійствамъ. Никто, даже самый ближайшій род-

ственникъ, не смѣетъ вступить въ ту тайную и неприступную обитель, гдѣ жены осуждены проводить плачевную жизнь свою, среди скуки и строгаго уединенія (*). Бóльшею частію эти жены не иное что какъ невольницы, и, по смерти хозяина, сынъ его продаетъ ихъ кому хочетъ.

Воспитаніемъ дѣтей Хивинцы почти не занимаются; попеченія родителей во всѣхъ возрастахъ знаменуются только частыми побоями за каждую малость, и потому сыновья не имѣютъ къ нимъ настоящаго почтенія, и готовы, въ досадѣ, въ отца или мать кинуть камнемъ. На нравственность ихъ не обращаютъ никакого вниманія, и учатъ ихъ единственно строго исполнять Мусульманскіе обряды, а иногда обучаютъ и грамотѣ. — До двѣнадцати или тринадцати лѣтъ мальчикъ остается на собственномъ произволѣ и образуется, какъ умѣетъ, самъ; а въ этомъ возрастѣ отецъ беретъ его къ себѣ въ слуги и должность такую онъ исправляетъ съ совершенной точностью до восьмнадцати лѣтъ, послѣ чего его женятъ. Довольно часто случается, что молодой человѣкъ до женитьбы вовсе не видалъ невѣсты своей.

Рабство, въ которомъ молодые люди содержатся родителями, даже когда они уже достигли порядочнаго возраста, почти невѣроятно; они не

(*) Впрочемъ, жены Хивинцевъ находятъ себѣ развлеченія. Смотри Альманахъ Владиславлева на 1838 г.

смѣютъ ни сѣсть предъ отцемъ, ни ѣсть съ нимъ вмѣстѣ, и считаются ниже всякаго слуги. Напротивъ того обращеніе Узбековъ съ настоящими слугами совершенно иное: они сидятъ съ ними вмѣстѣ, а иногда даже и ѣдятъ изъ одной чаши, но въ такомъ только случаѣ, когда слуги эти сами Узбеки, а не иностранцы и невольники.

Хивинцы вообще необык овенно скупы; деньги свои берегутъ втайнѣ и часто даже зарываютъ въ землю, вѣроятно опасаясь, чтобы Ханъ, узнавъ о ихъ богатствѣ, не ограбилъ ихъ.

Они, правда, гостепріимны, но и эта добродѣтель помрачается ихъ жадностью; они не откажутъ въ угощеніи, но стараются, чтобы оно было какъ можно умѣреннѣе; и для вознагражденія такого небольшаго убытка или расхода, на слѣдующіе дни во многомъ себѣ отказываютъ и даже ищутъ, если можно, отобѣдать у сосѣда.

Хотя они ненасытны и жадны тамъ, гдѣ могутъ попить-поѣсть на чужой счетъ, но дома, напротивъ, очень умѣренны; любимое ихъ кушанье пловъ, или густая каша изъ сарачинскаго пшена; но и эту простую пищу употребляютъ они довольно рѣдко, а обыкновенно питаются небольшимъ количествомъ хорошаго пшеничнаго хлѣба, да похлебкой изъ кипяченаго молока, галушекъ и небольшаго количества баранины. Кушанье это называется у нихъ *мустафи*. Когда же хотятъ кого угостить хорошо, то прибавляютъ жирный супъ

и баранину жареную на угольяхъ. Они не гнушаются верблюжьимъ и лошадинымъ мясомъ и часто въ дальнихъ поѣздкахъ употребляютъ въ пищу этихъ усталыхъ животныхъ.

„Хивинцы чрезвычайно лакомы: они любятъ сахаръ и конфекты и ѣдятъ ихъ съ большою жадностію до насыщенія, вмѣсто хлѣба, но тогда только когда лакомство не стóитъ имъ издержекъ; въ противномъ случаѣ, даже богатый человѣкъ не рѣшится держать хотя бы немного сахару и употреблять его.

„Узбеки гнушаются всѣхъ крѣпкихъ напитковъ и презираютъ пьянство; но между *Сартами* и *Кызылъ-Джилами*, порокъ этотъ довольно обыкновененъ; они въ пьянствѣ находятъ удовольствіе и часто напиваются до чрезмѣрности.

„Самое обыкновенное и любимое питье Хивинцевъ — чай; они варятъ его крѣпко въ бронзовыхъ чайникахъ, и увѣряютъ, что этотъ металлъ придаетъ ему лучшій вкусъ. Чай пьютъ они безъ сахару и почти цѣлый день безостановочно. Вываренные чайные листы не бросаютъ, но тотчасъ послѣ питья съѣдаютъ. Пристрастіе Хивинцевъ къ этому напитку неимовѣрно: въ странствіяхъ своихъ они лучше согласятся претерпѣть нѣсколько дней голодъ, нежели быть безъ чаю; у нихъ также въ большомъ употребленіи такъ называемый Калмыцкій чай, который варятъ съ молокомъ, масломъ и солью; такая чайная похлебка сначала

довольно противна тому, кто никогда ея не употреблялъ.

Большое изобиліе различныхъ плодовъ въ Хивинскомъ Ханствѣ доставляетъ жителямъ также пріятную и лакомую пищу; они употребляютъ ее во множествѣ и не бываютъ отъ того никогда больны.

Пища невольниковъ и слугъ самая бѣдная: послѣдніе довольствуются отъ господскаго стола остатками, на которые бросаются съ жадностію и дракою. Невольники же довольствуются однимъ хлѣбнымъ пайкомъ, получаемымъ отъ хозяевъ; но продаютъ часть его, для скопленія денегъ на выкупъ себя со-временемъ изъ неволи и на одежду; а потому часто проводятъ цѣлые дни безъ пищи, или кормятся подаяніемъ и тѣмъ, что могутъ украсть.

Хивинцы вообще всѣ чрезвычайно нечистоплотны; они ѣдятъ такъ, какъ и всѣ Азіатцы, безъ ложекъ, вилокъ и ножей; частыя умовенія ихъ передъ обѣдомъ и послѣ него имѣютъ только личину чистоты; они не брезгаютъ самымъ отвратительнымъ человѣкомъ, исполняющимъ ихъ обряды, а гнушаются опрятнымъ, который не слѣдуетъ въ точности ихъ обыкновеніямъ, и почитаютъ его поганымъ.

Въ жилищахъ ихъ ни половъ, ни оконъ, и также ни стульевъ ни столовъ вовсе не бываетъ, а сидятъ они на коврахъ и ѣдятъ на землѣ, собираясь въ кружокъ около чаши съ кашею. Обычай этотъ общій всѣмъ сословіямъ, начиная отъ Хана

до нищаго; посуда ихъ каменная и безъ всякихъ украшеній; — иногда бываетъ деревянная, привозная изъ Астрахани; чай же пьютъ изъ фарфоровыхъ Китайскихъ чашекъ; кухонную посуду употребляютъ чугунную.

Они ѣдятъ два раза въ день: первый разъ вскорѣ послѣ разсвѣта, а второй передъ захожденіемъ солнца. — Приступая къ кушанью, читаютъ обыкновенно молитву и гладятъ себя по бородѣ. Вообще обѣдъ ихъ представляетъ зрѣлище смѣшное и отвратительное.

Они также страстно любятъ всякія пряности и душистыя травы. Перецъ и имбирь кладутъ иногда въ чай, а опіумъ употребляютъ въ разныя времена дня.

Табакъ курятъ они Бухарскій изъ калліановъ; а иногда замѣняютъ его травой, которая называется у нихъ *Бенгъ*, и тому, кто не привыкъ къ ней, причиняетъ сильную опьянѣлость.

Жилища ихъ состоятъ исключительно изъ войлочныхъ кибитокъ или палатокъ; даже всѣ и богатые, у которыхъ есть домы (впрочемъ домы то же бѣдные и неопрятные), такую имѣютъ привычку къ кочевой жизни, что все еще живутъ въ кибиткахъ. Домы ихъ не иное что, какъ глиняныя мазанки, очень непрочныя, но долго сохраняющіяся, потому что дождей у нихъ почти никогда не бываетъ. Оконъ и печей въ домахъ этихъ нѣтъ; огонь раскладываютъ середи комнаты, а дымъ выходитъ чрезъ отверстіе, сдѣланное въ потолкѣ,

и на ночь затыкаемое. Также точно живутъ у нихъ и знатные, съ тою разницей, что имѣютъ богатые ковры и внутри иногда бѣлятъ свои жилища. Крышъ на домахъ нѣтъ; потолки камышевые, или изъ хвороста.

Конюшни ихъ содержатся опрятнѣе жилья, потому что они охотники до лошадей; однакожъ корму даютъ имъ мало и у нихъ не пропадаетъ ни одного зерна, ни малѣйшаго клока сѣна.

Есть мечети, которыя довольно хорошо выстроены, — между прочимъ мечеть, существующая въ самой Хивѣ, отличается своей величиной и красивымъ видомъ; куполъ у ней яркаго бирюзоваго цвѣта. Нѣкоторые мосты и надгробные памятники Хивинцевъ построены чисто и красиво. Для этихъ построекъ они собираютъ жженый кирпичь изъ развалинъ древнихъ зданій.

Прочія строенія ихъ вовсе незначительны; водопроводы и запасныя водохранилища обдѣлываются безъ всякаго искусства. Вообще все у нихъ строится на короткое время и непрочно; причина этого скрывается въ томъ, что они никогда не увѣрены, чтобы Ханъ не отнялъ у нихъ ихъ собственности; даже тѣ предметы, которыхъ лучшая обдѣлка могла бы служить имъ не для удовольствія въ жизни, но для явныхъ выгодъ, дѣлаются точно также. При каждомъ домѣ устроиваютъ крытыя сквозныя галлереи, въ которыхъ укрываются отъ лѣтняго жара.

Главное увеселеніе и упражненіе Узбековъ состоитъ въ ловлѣ ястребами джейрановъ и разныхъ птицъ; но собакъ, по какому-то предразсудку, они гнушаются и считаютъ животными нечистыми. Сверхъ того они забавляются наѣздничествомъ, въ которомъ очень искусны, и шахматной игрой, которая у нихъ играется почти такъ же какъ и у насъ, съ небольшимъ только различіемъ въ рокировкѣ Царя и Ладьи. — Между ними есть нѣкоторые, знающіе превосходно эту игру. Сверхъ того извѣстны имъ Русскія шашки, мельница и родъ шашечной игры, называющейся Этелемъ. Въ нее играютъ тридцатью двумя шашками, которыя всѣ одинакаго достоинства: онѣ ставятся такъ же какъ шахматы; и ходы ихъ различествуютъ отъ простыхъ шашечныхъ только тѣмъ, что вмѣсто того, чтобы двигать вкось, ими ходятъ прямо какъ впередъ, такъ и въ бокъ.

Хивинцы любятъ также музыку; но они не понимаютъ и не разбираютъ ни мѣры, ни созвучія. Для нихъ главнѣйшее достоинство музыки состоитъ въ громозвучности. Бубны, крикъ или лучше сказать ревъ одного человѣка, который изъ силъ выбивается, чтобы пѣть дикимъ, громкимъ и охриплымъ голосомъ, нравятся имъ гораздо болѣе самой согласной гармоніи. У нихъ никогда два голоса не поютъ вмѣстѣ и они болѣе обращаютъ вниманія на слова пѣвца, которыя обыкновенно избраны изъ стихотвореній ихъ лучшихъ поэтовъ.

Музыкальные инструменты ихъ состоятъ изъ двухъ-струнной балалайки, сдѣланной наподобіе Русской, кромѣ ящика, который у нихъ имѣетъ видъ полушарія. — Она строится въ кварту и играютъ на ней перомъ или щепочкой. Другое музыкальное орудіе, употребительное у нихъ, есть четырехъ-струнный гудокъ съ чрезвычайно непріятнымъ звукомъ; на немъ играютъ смычкомъ и держутъ какъ віолончель, упирая въ землю стержнемъ, придѣланнымъ къ нижней части. Узбеки презираютъ музыкантовъ и играющихъ въ разныя игры, говоря, что такія занятія недостойны званія военнаго человѣка и принадлежатъ только фиглярамъ, и людямъ, созданнымъ для увеселенія другихъ. Иные даже называютъ музыку поганою и предпочитаютъ просиживать цѣлые дни сложа руки, безъ всякаго дѣла, чѣмъ самимъ заниматься ею. Узбеки, какъ и прочія племена, населяющія Ханство, исповѣдуютъ законъ Магомета по обряду Сунитовъ.

Расколы Магометанской вѣры, Шіитство и Суннитство, были причиною непримиримой вражды между послѣдователями разныхъ этихъ сектъ; вотъ почему Персіяне, принадлежащіе къ исповѣданію Шіитовъ, вѣчно состоятъ въ безпрерывной враждѣ почти со всѣми народами, которые населяютъ Среднюю Азію, потому, что народы эти вообще принадлежатъ къ Суннитамъ.

Хивинцы совершаютъ съ большою точностію всѣ молитвы и обряды, закономъ установленные, замѣняя

только почную молитву другою вечернею. — Все время ихъ занятій разпредѣлено по временамъ молитвъ, и они по навыку такъ хорошо знаютъ время для каждой молитвы, что никогда не ошибаются. — Счетъ часовъ ихъ, какъ и у всѣхъ Мусульмановъ, начинается отъ восхожденія солнца, или отъ первой молитвы и кончается при послѣдней. — Такъ какъ всякая молитва начинается умовеніемъ, то тѣ Хивинцы, которые проѣзжаютъ по безводнымъ степямъ, въ такомъ случаѣ умываются пескомъ. Вообще они чрезвычайно богомольны и во время моленія ничто ихъ развлечь не можетъ.

Сунниты во время моленія складываютъ руки впередъ, Шіиты же держатъ ихъ врозь. Хивинцы говорятъ, что эти невѣрные для того не складываютъ рукъ, чтобы не замарать платья кровью единовѣрцевъ, которою руки ихъ обагрены.

Они ненавидятъ Шіитовъ больше, чѣмъ Хрістіанъ. Мусульмане, или такъ называемые у нихъ Правовѣрные, а особливо Узбеки и Туркмены считаютъ дѣломъ богоугоднымъ — наносить Шіитамъ, и болѣе всего Персіянамъ, всякое зло и вредъ, а потому съ удовольствіемъ проливаютъ кровь ихъ.

Каждый Персіянинъ, захваченный ими въ плѣнъ, вынужденъ бываетъ насильно послѣдовать ученію Суннитовъ и оставаться въ неволѣ, какъ бы въ отмщеніе за то, что онъ прежде слѣдовалъ противному для нихъ ученію *Али*.

Въ набѣгахъ своихъ на сосѣдственныя земли Хивинцы жестокосердо умерщвляютъ противни-

ковъ, и съ радостію захватываютъ имущества даже единовѣрныхъ имъ Туркменовъ; но, по возвращеніи своемъ, постомъ, умовеніемъ и молитвами очищаютъ себя отъ убійствъ и насилій, сдѣланныхъ ими послѣдователямъ вѣры своей; такія очищенія доставляютъ значительный доходъ ихъ духовенству.

Въ Хивинскомъ Ханствѣ никакія исповѣданія не терпимы, кромѣ господствующаго; но Русскіе невольники, находящіеся въ Хивѣ, по твердости своей и приверженности къ закону своему, не перемѣняютъ его, и не смотря на строгое запрещеніе, часто собираются въ уединенныя мѣста для чтенія молитвъ. Хивинцы дорого цѣнятъ и очень уважаютъ Русскихъ плѣнниковъ за ихъ способности, силу и трудолюбіе, и хозяева ихъ, ревностные Мусульмане, нарушаютъ даже для нихъ главное постановленіе свое: нетерпимость другихъ вѣръ, и позволяютъ имъ ежегодно праздновать три важнѣйшія торжества: Рождество, Крещеніе и Воскресеніе Христово, и на все время этихъ праздниковъ Русскіе совершенно избавляются отъ всякихъ работъ. — Тогда соотечественники наши собираются по возможности вмѣстѣ и предаются различнымъ, по обыкновенію своему, увеселеніямъ, и въ крѣпкомъ напиткѣ (похожемъ на нашу водку), который сами составляютъ, ищутъ временнаго забвенія своихъ горестей.

Въ Хивѣ есть также Жиды, но они давно уже забыли вѣру свою и привязаны къ закону Суннововъ не менѣе Хивинцевъ.

Каждому Мусульманину позволено имѣть въ одно время только четыре жены, наложницъ же, сколько кто пожелаетъ; въ Хивѣ большая часть народа довольствуется одной и двумя женами; богатые же люди имѣютъ ихъ десятками.

Магометане поклоняются и часто призываютъ на помощь мнимыхъ святыхъ своихъ. — Узбеки имѣютъ кромѣ того еще собственныхъ святыхъ или имамовъ; гробницы ихъ разсѣяны по всему пространству Хивинскаго Ханства; но они не всѣ одинаковымъ пользуются уваженіемъ. Туркмены поколѣнія Іомудъ преимущественно почитаютъ одного такого, на гробѣ котораго даже междоусобныя распри свои рѣшаютъ одной клятвой, и не было примѣра, чтобы кто нибудь осмѣлился нарушить эту клятву, потому что въ народѣ есть предразсудокъ, въ слѣдствіе котораго утвердилось мнѣніе, будто каждый, произнесшій на гробѣ семъ ложь, непремѣнно умретъ для наслѣдованія въ будущей жизни вѣчныхъ и ужасныхъ мукъ.

Обряды Мусульманской вѣры очень многочисленны; но Хивинцы рѣдко или никогда не преступаютъ ихъ; брачные союзы заключаютъ они только съ одними единовѣрцами, и никто изъ нихъ не посмѣетъ взять супругу чуждаго закона, какъ это часто дѣлается у другихъ Суннитовъ. Между Узбеками такой поступокъ былъ бы единогласно почтенъ за оскверненіе вѣры. Тѣхъ послѣдователей Суннитскаго исповѣданія, которые нарушаютъ

это правило, называютъ они раскольниками, не вступаютъ съ ними въ браки и не молятся вмѣстѣ.

Хивинцы также любятъ узнавать будущее. — Такъ называемые мудрецы ихъ основываютъ предузнанія свои на звѣздахъ. Простой же народъ употребляетъ для гаданія два средства: — первое Кораномъ, или другой какой-нибудь книгою. — Гадатель, прочтя молитву, подноситъ книгу къ головѣ, раскрываетъ ее и смотритъ на вскрывшейся страницѣ начальную букву первой строки, отъ нея обращается къ седьмой строкѣ, потомъ отъ вскрытой страницы переходитъ на седьмую, и отсчитавъ отъ начала семь строкъ, замѣчаетъ начальныя ихъ буквы, и такъ какъ каждой буквѣ народъ приписываетъ различныя значенія и свойства, то соображаясь съ ними, каждый выводитъ свои заключенія. Есть еще родъ гаданія посредствомъ палочекъ.

Зломъ они почитаютъ то, что вредитъ ближнему, а добромъ то, что приноситъ самому удовольствіе, безвредное для другаго.

Хотя вообще Хивинцы, какъ уже сказано выше, пообразованнѣе своихъ кочевыхъ сосѣдей, однакожъ они почти совершенные невѣжды. Даже умѣющихъ писать и читать между ними очень мало. Впрочемъ нѣкоторые, въ томъ числѣ Ханъ Улла-Кулъ-Махмедъ-Рахимъ, знаютъ языки Арабскій и Персидскій, пишутъ стихи, занимаются Астрологіей и практической Медициной, умѣютъ по какимъ-то палочкамъ и косточкамъ вычислять затмѣнія и знаютъ, что земля имѣетъ видъ шара.

При леченіи они всегда употребляютъ средства, противныя наружному виду болѣзни, на примѣръ отъ жара лечатъ льдомъ, отъ озноба тепломъ, и проч. Раны лечатъ они довольно искусно; впрочемъ, какъ у всѣхъ дикихъ и полудикихъ народовъ вся медицинская наука у нихъ состоитъ въ знаніи нѣсколькихъ простыхъ средствъ и цѣлебныхъ свойствъ нѣкоторыхъ травъ; да и то не общеизвѣстно, а каждый лекарь содержитъ свои свѣдѣнія втайнѣ и они переходятъ наслѣдственно отъ отца къ сыну. Къ Европейскимъ лекарямъ имѣютъ они большую довѣренность. Вообще ученые между ними любятъ заниматься Исторіей Востока; но какъ вездѣ въ Азіи Исторія смѣшана съ безчисленнымъ множествомъ басенъ, выдаваемыхъ за истину, то естественно, что они имѣютъ объ ней самое странное и нелѣпое понятіе. Въ Географіи и Математикѣ не имѣютъ они почти никакихъ свѣдѣній; даже цыфры Арабскія у нихъ извѣстны весьма немногимъ, и замѣняются азбучными буквами, отъ чего Хивинцы всегда находятся въ затрудненіи, когда имъ нужно написать большое число.

Деньги, подати, финансы, промышленность и торговля.

До Махмедъ Рахимъ Хана въ Хивѣ не было денегъ въ монетѣ; онъ первый началъ выбивать ихъ. Самая большая золотая монета называется *тилломъ;* она круглая, хорошей доброты и чеканъ ея довольно ясенъ. Цѣною она составляетъ на наши ассигнаціи до шестнадцати рублей. *Тиллъ* дѣлится на четырнадцать *абазовъ*, но *абазъ* не существуетъ въ монетѣ, а имѣетъ только счетное значеніе, какъ у насъ *рубль* ассигнаціями. *Абазъ* состоитъ изъ двухъ *тенегъ.* Эта монета серебряная, почти съ нашъ пяти-алтынный. Теньга дѣлится на сорокъ карапулъ; послѣдній мѣдная монета съ нашу старинную, вышедшую изъ моды, полушку, но гораздо толще. Бываютъ въ обращеніи и иностранныя деньги: Бухарскія золотыя, называемыя *падишахъ-тиласси,* Голландскіе червонцы, Персидскіе серебряные *реалы;* но онѣ не долго ходятъ въ народѣ: Ханъ собираетъ ихъ и передѣлываетъ въ свою монету.

Случается, что въ развалинахъ древняго города *Ургяндча* отрываютъ мѣшки съ золотыми и серебряными деньгами; но ихъ каждый нашедшій обязанъ представить Хану.

Источники Государственнаго дохода состоятъ въ слѣдующемъ: подать съ котла, подарки, подносимые Хану разными сословіями, продажа хлѣба изъ Ханскихъ помѣстьевъ, откупа, таможенные

сборы, дѣлежь добычи, налогъ на приходящіе караваны, и временные налоги въ случаѣ войны. Впрочемъ не всѣ подданные Хана платятъ подати: Узбеки, Туркмены и вообще военные и служащіе освобождены отъ нея, кромѣ того случая, когда занимаются торговлей.

Подать съ Котла составляетъ важнѣйшій источникъ Ханскихъ доходовъ: это почти тоже, что подушный окладъ. Подати эти соображены довольно хорошо съ возможностями каждаго. Самый большой поборъ составляетъ около сорока рублей ассигнаціями, самый меньшой около десяти. Въ общей сложности всѣ Ханскіе доходы простираются, какъ думаютъ, до 4,000,000 рублей ассигнаціями.

Вообще жители Хивы, особенно Сарты, дѣятельно занимаются хлѣбопашествомъ и садоводствомъ; а потому собственная Хива представляетъ прекраснѣйшее зрѣлище; вездѣ въ ней видны цвѣтущіе луга и поля, богатыя жатвы, виноградники и плодовитые сады. Всякаго рода хлѣба здѣсь родится гораздо больше, нежели сколько нужно для продовольствія жителей, а потому очень много его продается окрестнымъ кочевымъ народамъ.

Преимущественно они сѣютъ пшеницу, которая у нихъ чрезвычайно многоплодна, сарачинское пшено, кунжутъ, доставляющій хорошее масло, ячмень, коноплю; для лошадей воздѣлываютъ они растеніе, называемое джюганъ, которое также очень много-

плодно; зерно его похоже на гороховину; растетъ оно почти какъ кукуруза. Лѣсовъ въ Хивѣ нѣтъ, а потому жители очень заботятся о садахъ своихъ и ихъ теперь разведено чрезвычайно много. Въ садахъ этихъ ростутъ кишмишь, яблоки, бергамоты, миндаль, дули, груши, черешня, вишня, шелковица или тутъ, и множество другихъ плодовъ.

Овощи есть у нихъ всѣ какія и въ Европѣ, кромѣ капусты, картофеля, рѣдьки и рѣпы; лукъ у нихъ необыкновенно великъ; дыни ихъ заслуживаютъ вниманіе какъ по необычайной величинѣ, такъ и по вкусу: онѣ имѣютъ въ длину до трехъ четвертей аршина и больше шести вершковъ въ толщину, и черезвычайно сладки и душисты, а кора ихъ удивительно тонка. Арбузы также отличные.

Скотоводство въ Хивинскомъ Ханствѣ тоже процвѣтаетъ; изъ домашнихъ животныхъ наиболѣе разводятъ верблюдовъ, овецъ и рогатый скотъ.

Фабрикъ въ Хивѣ нѣтъ никакихъ; но жители занимаются собственно для себя разными рукодѣліями, ткутъ шелковыя и бумажныя, хоть не красивыя, но очень прочныя матеріи, дѣлаютъ очень искусно разные шелковые кушаки, а Туркменцы ткутъ армячину изъ верблюжьей шерсти, и хорошіе ковры. Но вообще всѣ ремесла у нихъ въ младенчествѣ; стекла совсѣмъ не умѣютъ дѣлать; желѣзныя издѣлія выработываются только Русскими невольниками; мѣдь получаютъ готовую изъ Россіи, не смотря на то, что въ ихъ собственныхъ рудникахъ пропасть мѣди. Мельницъ

у нихъ нѣтъ ни водяныхъ, ни вѣтряныхъ: хлѣбъ мелютъ ручными жерновами.

Торговля какъ внѣшняя, такъ и внутренняя, вся въ рукахъ Сартовъ; внутренняя очень незначительна: она состоитъ въ продажѣ разнаго хлѣба и мелочныхъ издѣлій по разнымъ торжищамъ, устроеннымъ въ Ханствѣ, и также въ покупкѣ невольниковъ. Торги производятся въ опредѣленные дни.

Собственными произведеніями Хива не можетъ вести обширной внѣшней торговли; но по причинѣ мѣста, которое занимаетъ середи степей, на перекресткѣ всѣхъ кратчайшихъ торговыхъ путей въ Россію, она сдѣлалась складочнымъ мѣстомъ множества разныхъ Азіатскихъ товаровъ, доставляемыхъ въ Россію. Торгъ этотъ обратилъ вниманіе Сартовъ — они стали ѣздить за товарами въ разныя Азіатскія Государства и доставляютъ ихъ въ Оренбургъ и Астрахань. Разумѣется, что подъ вліяніемъ Европейской Державы такая торговля могла бы развиться до чрезвычайно цвѣтущаго состоянія. Вообще складочнымъ мѣстомъ для товаровъ, привозимыхъ въ Хиву изъ другихъ Азіятскихъ странъ, служитъ городъ Ургиичъ, и изъ него уже они отвозятся караванами въ Россію. Вымѣниваютъ на нихъ тонкія сукна, бархатъ, пряденое серебро и золото, сахаръ, иглы, бритвы, ножи, тонкій холстъ, зеркала, писчую бумагу, мѣдь, свинецъ, мѣдную и чугунную посуду и другія Европейскія издѣлія.

Государства, прилегающія къ Хивѣ съ Юга, Юго-Востока и Юго-Запада.

Большая, или Независимая Бухарія.

Описавъ такимъ образомъ собственно Хивинское Ханство, бросимъ бѣглый взглядъ на прекрасныя страны, прилегающія къ нему съ Юга, Юго-Востока и Юго-Запада, страны, въ которыя только чрезъ Хиву можно намъ проникнуть, страны, важныя не только собственнымъ ихъ богатствомъ, но и тѣмъ, что ведутъ въ другія земли, еще болѣе богатыя, земли, гдѣ преобладаетъ политико-торговое владычество Англійской Остъ-Индской Компаніи, земли, съ которыми связана жизнь и смерть Великобританіи, и съ которыми сосѣдство очень выгодно.

Начнемъ съ Большой, или Независимой Бухаріи. Она содержитъ до 10,000 квадратныхъ (Французскихъ) миль пространства. Восточная часть ея гориста; хребты простираются къ Сѣверу до города Бухары, къ Западу почти до Самарканды, къ Югу до Аминъ-Дерьи. Вся западная часть представляетъ огромную необозримую равнину, по которой мѣстами возвышаются глинистые, отдѣльно стоящіе, маленькіе холмики; почва всей этой степи также глинистая и только слегка прикрыта, и то не вездѣ, переносными песками.

Самая высокая, къ Сѣверу отъ города Бухары, гора называется *Нуратагъ*; какъ въ ней, такъ и

въ хребтѣ, къ которому она принадлежитъ, заключаются мѣдь, серебро, золото, бирюза и другіе дорогіе каменья; весь хребетъ состоитъ изъ гнейса и бѣлаго мрамора.

Черезъ Бухару также протекаетъ рѣка Аминъ-Дерья, но и кромѣ ея есть значительныя рѣки, именно: *Церъ-Афчанъ* или *Кусанъ*, называемый также *Согдъ*, *Когекъ* и *Куанъ-Дерья*, имѣющій въ ширину до 54 футовъ, въ глубину отъ 3 до 4 и текущій болѣе нежели на 100 миль. Другая, называемая *Карха* или *Кархи*, течетъ на пространствѣ пятидесяти миль и теряется въ пескахъ по близости города, носящаго такоеже имя.

Климатъ въ Бухаріи пріятный и здоровый. Зима самая легкая и непродолжительная: даже къ концу Декабря въ полѣ есть еще дыни; морозы никогда не превосходятъ 8-ми градусовъ; снѣгъ не лежитъ долѣе двухъ недѣль.

Производитъ Бухарія, кромѣ всѣхъ Европейскихъ растеній и плодовъ, множество собственно ей одной принадлежащихъ. Здѣсь въ продолженіе цѣлаго года вы найдете прекраснѣйшіе арбузы и дыни, превосходный виноградъ. Ревень растетъ самъ собою, табаку разводятъ очень много, хлопчато-бумажное дерево даетъ каждый годъ три раза сборъ бумаги; жители разводятъ очень много тутовыхъ деревьевъ и шелководство у нихъ въ цвѣтущемъ состояніи. Изъ коры тутоваго дерева

дѣлаютъ прекрасную бумагу, которая славится на всемъ Востокѣ.

Крупнаго рогатаго скота мало, но множествоословъ, муловъ, овецъ; лошади здѣшнія принадлежатъ къ крупной, сильной и прекрасной породѣ.

Народонаселеніе очень многочисленное и доходитъ до 2,500,000 человѣкъ; низшіе классы очень зажиточны; нѣтъ деревни, гдѣ бы не было, покрайней мѣрѣ, ста домовъ, и вокругъ ихъ простираются прекрасные сады; иные домы ограждены зубчатыми стѣнами, по угламъ которыхъ возносятся красивыя башенки. Города всѣ выстроены при рѣкахъ.

Изъ городовъ особенно примѣчательны: *Самаркандъ*, прежняя столица Бухаріи, мѣстопребываніе знаменитаго Тамерлана, гдѣ онъ и похороненъ. Въ его время городъ этотъ заключалъ до 150,000 жителей, теперь ихъ не болѣе 50,000. Здѣсь есть 250 мечетей, большею частію, изъ бѣлаго мрамора, и 40 медресовъ или училищь. *Бохара*, нынѣшняя столица, лежитъ среди плодоносной равнины, орошаемой большимъ каналомъ, выведеннымъ изъ рѣки *Церъ-Афчанъ*. Городъ этотъ имѣетъ до 70,000 жителей, много замѣчательныхъ зданій, въ томъ числѣ дворецъ Хана, стоящій уже болѣе десяти вѣковъ, 60 медресовъ или училищь, 14 каравансераевъ, 14 общенародныхъ бань, 68 колодцевъ. *Маври* или *Марвъ-Шахиджанъ*, основанный Александромъ Великимъ.

Армія Бухарская простирается въ мирное время до 25,000 человѣкъ конниковъ.

Ханство *Шерсабесское* одно изъ плодоноснѣйшихъ въ Туркестанѣ, нѣкогда принадлежало Бухаріи, но въ 1751 году отдѣлилось отъ нея. Въ немъ жителей до 600,000. Столица *Шерсабесъ*, выстроенъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стояла деревня Кехъ, въ которой родился Тамерланъ.

Балкское Ханство, имѣетъ до 500,000 жителей; столица *Балкъ*, городъ очень древній. При его-то осадѣ Нинъ, Ассирійскій Царь, въ первый разъ увидѣлъ Семирамиду.

Афганистанъ.

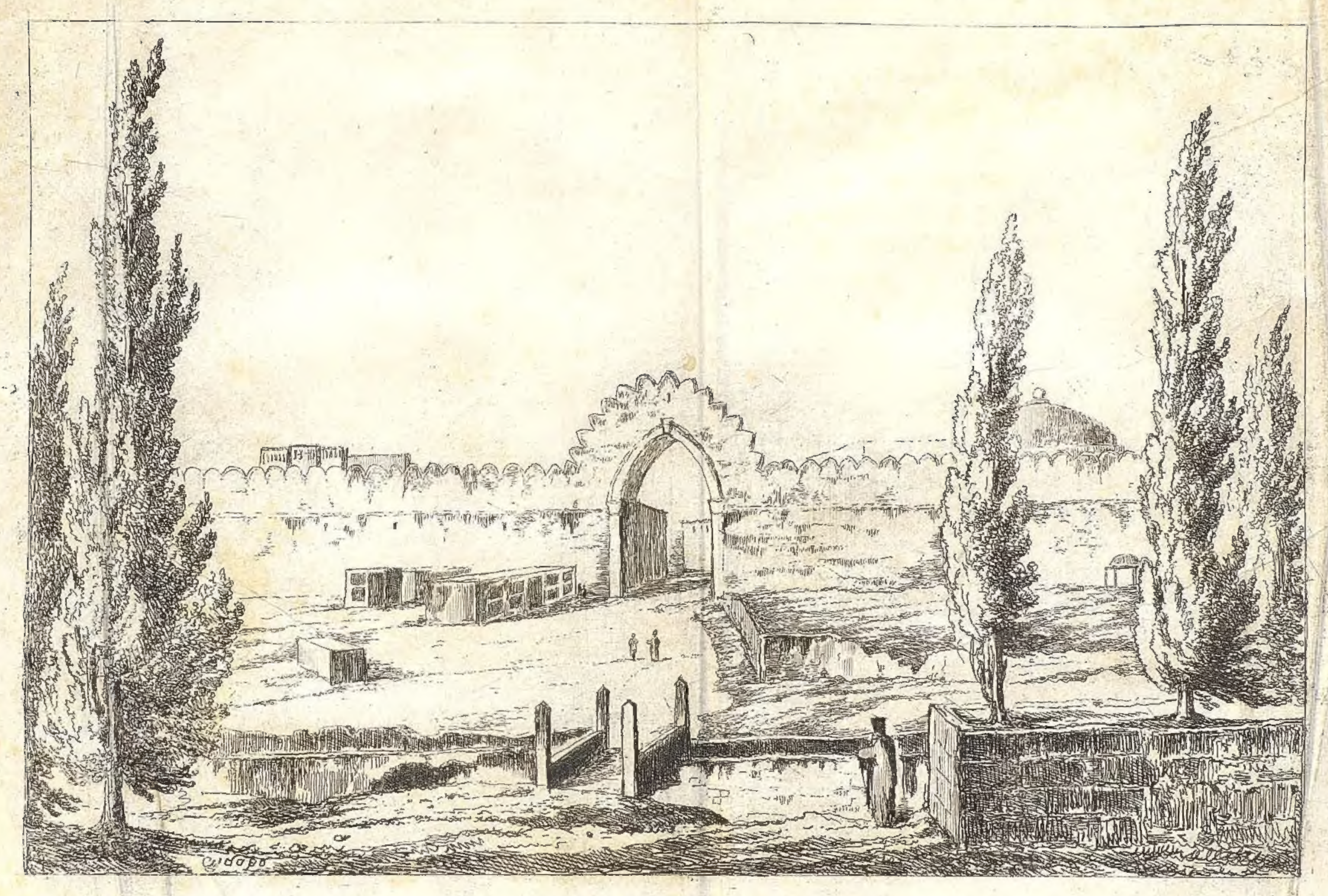
Лежитъ къ Югу отъ Хивы, между Бухаріей, Остъ-Индіей и Персіей; чрезъ него прямая дорога въ Остъ-Индію. Страна гористая, населенная воинственнымъ народомъ, ведущимъ почти безпрерывно междоусобную войну. Климатъ здоровый. Земля очень богата разными произведеніями; каждый годъ собираютъ двѣ жатвы. Рисъ, рожь, пшеница, ячмень ростутъ здѣсь въ изобиліи, также какъ табакъ, ленъ, марена, сахарный тростникъ, инбирь, хлопчатая бумага. По горамъ ростутъ кедры, кипарисы, дубы, сосны, ель и другія Европейскія деревья, въ равнинахъ тополь, платанъ,

шелковица, апельсинное, фиговое, померанцевое; миндальное, гранатовое дерево и множество других плодовитых деревьев.

Изъ дикихъ звѣрей есть гіены, волки, шакалы, медвѣди, леопарды, и многихъ породъ лисицы; дикія козы, кабаны, олени, антилопы, обезьяны, ежи. Изъ домашнихъ множество верблюдовъ, буйволовъ, муловъ, овецъ и лошадей: послѣднія Арабской породы.

Горы заключаютъ въ себѣ золото, серебро, желѣзо, множество разнаго мрамора и дорогихъ каменьевъ.

Наконецъ къ Юго-Западу, степи, прилегающія къ Хивѣ, граничатъ съ Персидской провинціей Хорасаномъ, которая изобилуетъ лѣсами, и этимъ можетъ доставлять Европейцамъ, которые бы поселились въ Хивѣ, большія удобства.

Видъ Города Хивы

Хивинскій Ханъ въ своей Кибиткѣ

2007040140